

Г. А. КЛИМОВ
Д. И. ЭДЕЛЬМАН

ЯЗЫК
БУРУШАСКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт востоковедения

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Серия основана
проф. Г. П. Сердюченко*

**Г. А. КЛИМОВ
Д. И. ЭДЕЛЬМАН**

**ЯЗЫК
БУРУШАСКИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
МОСКВА 1970

Редакционная коллегия:

*В.М. Солнцев (председатель), Н.А. Дворянков,
Н.А. Лисовская (учебный секретарь), М.Я. Плам,
Г.Д. Санжеев*

Ответственный редактор В.М. Солнцев

Настоящая работа посвящена описанию письменного языка народа буришков, проживающего к юго-востоку от советского Памира. Очерк открывается сведениями о носителях языка, об истории его изучения. В основной части работы дается краткое синхронное описание фонетического и фонологического строя языка бурушаски, исследование его морфологии, лексики и синтаксического строя. В приложении приводятся тексты с переводами на двух диалектах со словарями-комментариями и библиография.

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г.П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес среди советских и зарубежных читателей.

После смерти Г.П. Сердюченко публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, а также для преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н.В., Амхарский язык.

1960 г.

Андронов М.С., Тамильский язык.

Дворянков П.А., Язык пушту.

Дмитриев Н.К., Турецкий язык.
Дорофеева Л.Н., Язык фарси-кабули.
Зограф Г.А., Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.
Иванов В.В., Топоров В.Н., Санскрит.
Катенина Т.Е., Язык хинди.
Мазур Ю.Н., Корейский язык.
Мячина Е.Н., Язык суахили.
Наджип Э.Н., Современный уйгурский язык.
Насилов В.М., Язык орхон-енисейских памятников.
Петруничева З.Н., Язык телугу.
Рубячик Ю.А., Современный персидский язык.
Санжеев Г.Д., Современный монгольский язык.
Смирнова М.А., Язык хауса.
Соляцев В.М., Лекомцев Ю.К., Мхитарян Т.Т., Глебова И.И., Вьетнамский язык.
Теселкина А.С., Алиева Н.Ф., Индонезийский язык.
Тодаева Б.Х., Монгольские языки и диалекты Китая.
Толстая Н.И., Язык панджаби.
Фельдман Н.И., Японский язык.
Фролова В.А., Белуджский язык.

1961 г.

Бабакаев В.Д., Ассамский язык.
Горгояиев Ю.А., Кхмерский язык.
Коростовцев М.А., Египетский язык.
Коротков Н.Н., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.П., Соляцев В.М., Китайский язык.
Курдоев К.К., Курдский язык.
Морев Л.Н., Плам Ю.Я., Фомичева М.Ф., Тайский язык.
Охотина Н.В., Язык зулу.
Рерих Ю.Н., Тибетский язык.
Секхар Ч., Глазов Ю.Я., Язык малаялам.
Сердюченко Г.П., Чжуанский язык.
Теселкина А.С., Яванский язык.
Шарбатов Г.Ш., Современный арабский язык.
Яковлева И.П., Язык гаянда (лугаянда).

1962 г.

Андронов М.С., Язык каннада.
Дымшиц З.М., Язык урду.
Соколов С.Н., Авестийский язык.

1963 г.

Аракия В.Д., Мальгашский язык.
Завадовский Ю.Н., Арабские диалекты Магриба.
Иванов В.В., Хеттский язык.
Катенина Т.Е., Язык маратхи.
Маун Маун Ньюн, Орлова И.А., Пузицкий Е.В., Тагунова И.М., Бирманский язык.
Насилов В.М., Древнеуйгурский язык.
Оранский И.М., Иранские языки.
Пашков Б.К., Маньчжурский язык.
Тенишев Э.Р., Саларский язык.
Теселкина А.С., Древнеяванский язык (кави).
Шифман И.Л., Финикийский язык.
Яковлева В.К., Язык йоруба.

1964 г.

Вентцель Т.В., Цыганский язык (севернорусский диалект).
Выхухолев В.В., Сянгальский язык.
Еланская А.И., Коптский язык.
Карпушкин Б.М., Язык ория.
Липин А.А., Аккадский язык.
Меликишвили Г.А., Урартский язык.
Санжеев Г.Д., Старописьменный монгольский язык.
Токарская В.П., Язык малинке (маядинго).
Церетели К.Г., Современный ассирийский язык.

1965 г.

Андронов М.С., Дравидийские языки.
Аракин В.Д., Индонезийские языки.
Герценберг Л.Г., Хотаносакский язык.
Дьяконов И.М., Семитохамитские языки.
Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н., Язык пали.
Ефимов В.А., Язык афганских хазара (якаулангский диалект).

Королев Н.И., Язык непали.
Павленко А.П., Суданский язык.
Савельева Л.В., Язык гуджарати.
Сегерт Ст., Угаритский язык.
Эдельман Д.И., Дардские языки.
Юань Цзя-хуа, Диалекты китайского языка.
Яхонтов С.Е., Древнекитайский язык.

1966 г.

Бауэр Г.М., Язык южноаравийской письменности.
Быкова Е.М., Бенгальский язык.
Егорова Р.П., Язык синдхи.
Крус М., Шкарбан Л.И., Тагальский язык.
Расторгуева В.С., Среднеперсидский язык.
Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х., Язык желтых уйгуров.

1967 г.

Завадовский Ю.Н., Берберский язык.
Крупа В., Язык маори.
Старинин В.П., Эфиопский язык.
Шеворошкин В.В., Лидийский язык.

1968 г.

Кямилев С., Марокканский диалект арабского языка.
Пузицкий Е.В., Качинский язык (язык чжингпхо).

1969 г.

Пахалина Т.Н., Памирские языки.
Миронов С.А., Язык африкаанс.

Редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Центр, Армянский пер., 2, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Язык бурушаски, известный иногда в отечественной лингвистической традиции как буришский, канджутский или вершикский, распространен на самом стыке трех больших лингвистических семей Старого света—индоевропейской, тибето-китайской и алтайской — в крайнем северном углу Индостана (штат Джамму и Кашмир). На нем говорят примерно сорок тысяч человек на весьма изолированной в географическом отношении от внешнего мира территории, где Каракорум смыкается с Восточным Гиндукушем.

Нет никаких сомнений в том, что буришки являются остатком древнейшего населения севера индийского субконтинента, уже ассимилированного в смежных областях, и сохраняющимся только в горных долинах рек Хунза и Вершикум. Они — представители особого гиндукушского антропологического типа европеоидной расы, который довольно широко распространен и среди носителей соседствующих с ними индоевропейских языков.

Область расселения буришков всегда стояла в стороне от крупных исторических событий прошлого. Еще в начале текущего столетия она подразделялась на три полусамостоятельных по отношению к центральной власти княжества: Хунза (Канджут), Нагир и Ясин. Лишь в относительно позднее время исторические судьбы определили ее тяготение к мусульманскому миру. В религиозном отношении буришки следуют шиитскому толку. Часть из них — исмаилиты. С мусульманской традицией связана и местная устная литература.

Собственная письменная традиция буришкам в настоящее время неизвестна. Однако не исключено, что в раннем средневековье (в IV-VI вв.), когда здесь был распространен буддизм, она имела. Так, в одном из тибетских памятников этой эпохи содержится указание на то, что он был переведен с языка *bruža* (или во всяком случае, сверен с текстом на этом языке), и даже содержится очень краткая и, по-видимому, не адекватная приписка на *bruža*, предварительный анализ которой пока не позволил прийти к отождествлению *bruža* с бурушаски (в тибетских хрониках страна Бружа локализуется в Гильгите)¹. Таким образом, записи текстов на языке бурушаски, сделанные в арабской графике в семидесятых годах прошлого века для Дж. Лейтнера, равно как и тексты, предоставленные в 1923 г. сыном эмира Хунзы в распоряжение Д. Лоримера, имеют по существу уникальный характер. Некоторое распространение, однако, получила грамотность на языке урду.

Непосредственное языковое окружение бурушаски в настоящее время образуют: на северо-западе — ваханский (один из восточноиранских языков), на западе — язык кховар (из группы дардских), на юге — язык шина (также из дардских). На юго-востоке бурушаски соприкасается с одним из тибето-китайских языков — балти. Необходимо, впрочем, оговорить естественную в условиях труднодоступной горной области слабость его реального соприкосновения с балти и ваханским. Напротив, знание языков шина и кховар среди буришков достаточно распространено, так что в западном ареале языка имеет место даже бурушаски-кховарский билингвизм. Отдельные словарные факты, приведенные Г. Бергером, по мнению этого автора, должны указывать на существование во второй половине I тысячелетия контактов между бурушаски и цыганским языком². Однако более достовер-

¹ См.: Poucha, 1960, стр. 295-300.

² Berger, 1959.

ный характер носят указания буришского фольклора и топонимики на наличие у буришков в относительно недавнее время (в XVIII-XIX вв.) соприкосновений с киргизами, определенно подтверждаемые и языковыми свидетельствами.

Бурушаски членится на два диалекта: собственно бурушаски (*buruša-ski* — производное от самоназвания его носителей *burūšo*) и вершицкий (*veršikwār* — от самоназвания носителей его *veršik*), в общем незначительно отличающихся друг от друга, так что препятствий для взаимопонимания между носителями не возникает. Преобладает собственно бурушаски, насчитывающий около тридцати тысяч говорящих и охватывающий основной ареал языка. Внутри него выделяются говоры Нагира и Хунза, последний из которых считается наименее подверженной внешним воздействиям разновидностью языка. Вершицкий диалект, насчитывающий около десяти тысяч носителей, занимает крайний запад языковой территории бурушаски. Ниже предлагается очерк значительно лучше исследованного диалекта собственно бурушаски, а особенностям вершицкого посвящен отдельный раздел. В приложении даются образцы текстов на обоих диалектах со словарем и грамматическим комментарием.

Особый интерес исследователей вызывает неопределенность генетической принадлежности языка бурушаски. Отсутствие у него письменной традиции, равно как и большая близость его обеих диалектных разновидностей, ограничивающая эффективность применения методики внутренней реконструкции, значительно обедняют и перспективы соответствующего исследования. Вместе с тем следует отметить, что почти всегда невыдержанной оказывалась и сама методическая база работ, рассматривавших проблему внешних связей бурушаски (такие связи предполагались у него с кавказскими, дравидийскими, мунда, баскским, нубийским, андаманским и другими языками), которая сводилась, как правило, к сопоставлениям структурного или материального характера. Достаточно показательным, например, то обстоятельство, что

оказавшиеся наиболее настойчивыми опыты сравнения бурушаски с кавказскими языками основывались главным образом на обнаружении в обеих сравниваемых величинах некоторого числа структурно-типологических параллелизмов, к тому же нередко разделяемых далеко не всеми группами кавказских языков (выделяются три группы автохтонных кавказских языков: абхазско-адыгская, картвельская и нахско-дагестанская); так, если наличие эргативной конструкции предложения и вигезимальной системы построения числительных больших порядков в той или иной мере характеризуют все группы последних, то категория грамматического класса составляет специфику только нахско-дагестанских языков, а именную категорию притяжательности знают лишь абхазско-адыгские языки. В настоящее время кавказоведы, как правило, высказываются о возможности бурушаски-кавказских генетических связей очень осторожно. В частности, крупный западногерманский кавказовед Г. Деетерс, исходя из принципиальной нерелевантности для процедуры доказательства языкового родства типологических критериев и простых лексических сопоставлений (к тому же на деле оказывающихся не всегда корректными), смотрит на такую возможность крайне скептически. Между тем необходимо учесть и то обстоятельство, что до сих пор не может считаться доказанным и тезис о наличии генетического родства между отдельными группами самих кавказских языков.

Несомненно, не достигают своей цели и довольно многочисленные словарные соположения бурушаски с кавказскими и многими иными языками, содержащиеся в работах К. Боуда, поскольку они не только не направлены на выявление каких-либо закономерностей фонетических соотношений в сравниваемом материале, но и не учитывают степени ценности приводимых лексических фактов для сравнительно-генетического исследования. В этом смысле, например, такие напрашивающиеся сопоставления, как бурушаски *pu*, *phi* 'огонь' ~

протоиндонезийский *aru, айнск. *ari*, протояпонский *ri тоже и бурушаски *gan* 'путь, дорога' ~ австронезийский *gan 'река, канал' (откуда, вероятно, идет и гидроним Ганг), отражающие интересные лексические изоглоссы «палеоазиатского» языкового ареала, кажутся во всяком случае более перспективными, чем столь часто встречающиеся у К. Боуда соположения слов с очевидной экспрессивной или культурной окраской (из числа лексем последней категории с точки зрения древних культурных связей обращают на себя внимание бурушаски-тибетские параллели: ср. бурушаски *bras* 'рис' ~ старотибетский *bras*, бурушаски *baiyu* 'соль' ~ старотибетский *raju* и некоторые другие; значительно менее очевидными представляются отмечаемые Г. Бергером совпадения бурушаски с классическими языками Средиземноморья в названиях отдельных культурных растений, который, по-видимому, рассматривает в качестве источника этих слов скорее язык бурушаски³).

Если внешние генетические связи языка бурушаски остаются в настоящее время совершенно неясными, то факт его (или близкородственных ему языков) значительно более широкого распространения в прошлом достаточно очевиден. По сведениям И. И. Зарубина, в Гильгите, Асторе, Поиале и некоторых других частях Дардистана буришки составляли половину населения, и хотя и перешли на язык шина, однако еще сохранили свое имя в качестве кастового названия. Арийское население Драса и некоторых восточных округов Балтистана, смежных с областью Ладак, также говорит на шина, но известно у своих соседей под именем брокпа или бруша⁴. Действительно, субстратная или адстратная основа бурушаски в целом ряде районов, занятых ныне диалектами дардско-

³ См.: Berger, 1956

⁴ См.: Зарубин, 1928, стр. 280.

го языка шина, стоит вне всякого сомнения. В последних зафиксированы как некоторые морфологические модели и синтаксические конструкции, так и значительный словарный материал, свойственный языку бурушаски (в диалекте брокпа налицо такие характерные бурушаскизмы, как *rhi* 'огонь', *ʒakuŋ* 'осёл' и др.). Вообще, видимо, довольно многочисленные лексические общности, разделяемые только бурушаски, шина и другим смежным языком кховар, которые не сводятся к индоарийскому источнику, обязаны своим происхождением языку бурушаски⁵. Вместе с тем, в более солидной аргументации нуждается само по себе вполне правдоподобное мнение Дж.Грирсона, согласно которому носители языка бурушаски (или родственных ему языков) некогда должны были занимать всю территорию (или по крайней мере ее большую часть) современного распространения дардских языков. В этом отношении обращают на себя внимание некоторые факты в географически более удаленных от бурушаски дардских языках⁶: так, в языке прасун отмечена система префиксов именной категории притяжательности, аналогичная соответствующей системе бурушаски, обращено внимание на созвучность названия языка ашкун с названием бурушаски у части буришков — йешкун и т.п.

Вместе с тем, наличие целой совокупности структурных черт, общих как для бурушаски, так и для окружающих его представителей других лингвистических семей, позволяет постулировать здесь языковый союз, обычно называемый «гималайским». Помимо бурушаски в гималайский языковый союз включают целый ряд смежных иранских (вахан-

⁵ Cp. G. Morgenstierne, Preface: — в кн.: Lorimer, 1935, стр. XXI-XXIII; Morgenstierne, 1945, стр. 94-95.

⁶ Grierson, 1919, стр. 551; Morgenstierne, 1928, стр. 68.

ский, ишкашимский и, возможно, мунджанский), дардских (шина, кховар, пхалура и др.), отдельные индийские языки северного Индостана (панджаби, западный пахари, отчасти — центральный пахари), отдельные тибето-китайские (балти, пурик, канаури и др.), а также, возможно, дравидийский язык брагуи. Его члены в той или иной степени разделяют такие общности, как сложная консонантная система специфического состава (серии церебральных фонем, охватывающие, кроме смычных, шелевые и аффрикатные ряды; троичная система противопоставления смычных типа «звонкий — глухой непридыхательный — глухой придыхательный»; противопоставление однофокусных аффрикат двухфокусным типа *c - ʒ*, отсутствие фонем типа *f, x*); наличие фонологически релевантных тонов, система притяжательных аффриксов у существительных «органической» принадлежности, наличие особого (эргативного) падежа подлежащего в конструкциях с переходным глаголом, построение числительных в соответствии с вигезимальной системой счисления, совпадение основ личных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа и др.

Библиография работ по языку бурушаски относительно невелика, что дает основания отнести его к числу малоизученных языков. До последнего времени собранный по нему материал остается в определенной мере фрагментарным. С другой стороны, дает себя знать то обстоятельство, что целый ряд его исследователей был недостаточно подготовлен профессионально, даже к работе чисто дескриптивного плана.

История изучения языка бурушаски начинается с обширной книги Э.Каннингэма, посвященной общей характеристике индийской области Ладак, в XV главе которой впервые приводится — по большей части в неадекватной форме — около ста слов. Через некоторое время этот список был расширен до трехсот слов как на диалекте бурушаски, так и на диалекте верхиквар Дж.Хэйвардом в описании его путешествия в отроги Гиндукуша. С именем Х.Кларка связана совершенно не-

подготовленная и фантастическая по своим результатам попытка установления генетического родства бурушаски с абхазским, а также с некоторыми языками Абиссинии и Цейлона.

Далее последовала целая серия больших работ Дж. Лейтнера, начавшего в 1866 г. изучение дардских языков, а затем вовлекшего в сферу своих интересов и бурушаски. В его первом труде (Leitner, 1877) приводится более значительный словарный, а также некоторый грамматический материал по диалекту вершиквар. Его другая крупная работа (Leitner, 1889) включает словарный материал, чередующийся с довольно пространными текстами, а также грамматическими сведениями. В целом Дж. Лейтнер может быть охарактеризован как первый серьезный исследователь языка бурушаски.

В работе известного ираниста прошлого В. Томашка, посвященной памирским языкам, определяется агглютинативный строй бурушаски и на основании всех доступных автору материалов и весьма строгой методики формулируется вывод о том, что этот язык представляет собой реликт в прошлом значительно более широко распространенных неарийских языков, а его родство с языками Непала, Тибета и Китая, а также с дравидийскими не может быть установлено из-за недостаточности известного науке материала.

Из трех работ Дж. Бидделфа, так или иначе связанных с изучением бурушаски, по справедливой оценке И. И. Зарубина, наибольшее значение имеет труд о диалектах Гиндукуша (Бидделф, 1884), представляющий собой расширение его работы 1880 г. (в словаре, приложенном к последней, содержалось уже более семисот слов). В нем на основе собранного автором материала по говору Нагира в компактной форме даны грамматический очерк языка, тексты и словарь. Автор относит бурушаски к «туранской» семье языков.

Изучение бурушаски в русской науке было начато в 1888-1889 гг. Б. Л. Громбчевским и М. С. Андреевым. Первый

из них собрал на месте словарный материал, позволивший наряду с другими данными К. Г. Залеману прийти к выводу, что «канджутский язык» не иранского и не тюркского корня. М. С. Андреев, проездом посетивший Урумчи, записал около четырехсот слов этого языка.

Наиболее видный представитель старой индологии Дж. А. Грирсон в своей работе 1899 г. на основании ранее опубликованных работ, а также собственных материалов по обоим диалектам языка заключает, что буришки представляют собой остаток населения, занимавшего некогда территорию всего или большей части Дардистана, указывает на наличие в дардских языках лексического слоя, идущего из бурушаски (ср. также Дж. А. Грирсон, 1906) и прилагает соответствующий грамматический очерк.

К выводу о генетически изолированном положении бурушаски приходит в своей небольшой статье Ф. Барбер⁷.

Существенный вклад в изучение языка бурушаски внес крупнейший советский иранист И. И. Зарубин, составивший на основании своих записей 1915 г. в Вахане монографию, посвященную диалекту вершиквар. Эта работа, включающая, помимо компактной фонологической и грамматической характеристики диалекта, тексты и словарь, знаменует собой большой методический прогресс в исследовании. В ней четко определены основные структурные характеристики языка, в результате чего оказалось возможным преодолеть некоторые заблуждения предшественников автора. Н. Я. Марр, опиравшийся преимущественно на материалы И. И. Зарубина, сосредоточив свое внимание на структурно-типологических параллелизмах между бурушаски и кавказскими языками, безуспешно пытался обосновать их генетическое родство. К попытке

⁷ Подробнее об истории изучения языка бурушаски вплоть до 1921 г. см.: Зарубин, 1927, стр. 275-279.

Н.Я. Марра тесно примыкает большая работа 1930 г. австрийского кавказоведа Р.Блейхштейнера, стремившегося на основе ряда сопоставлений типологического и материального порядка определить место языка бурушаски среди «яфетических».

В дальнейшем наиболее значительный вклад в изучение языка был внесен фундаментальными работами Д.Лоримера, отдавшего его исследованию около сорока лет. В трех обширных томах, посвященных им диалекту бурушаски (1935-1938), собран огромный фактический материал и дана всесторонняя характеристика строя языка. Следует вместе с тем отметить, что методическая сторона этого труда (особенно в области фонологии) заметно уступает технике описательного анализа, примененной в монографии И.И. Зарубина. Ценный лексический материал вершикского диалекта введен в обиход науки принадлежащим ему словарем диалекта вершиквар (Logimer, 1962).

Все последующие исследования языка бурушаски фактически основываются на языковой базе, содержащейся в работах Д.Лоримера, и представляют собой ее различные интерпретации. Из них наибольший интерес вызывают содержательные очерки Г.Моргенштерне, Х.Фохта и К.Боргстрема по отдельным вопросам фонологии и морфологии языка, опубликованные в 1945 г. в XIII томе «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», а также статья Э.Бенвениста, посвященная внутренней реконструкции системы грамматических классов (Benveniste, 1948).

Если сопоставить работы К.Боуда, бессистемно сопоставляющего материал бурушаски с фактами самых различных языков мира, с одной стороны, и публикации Г.Бергера, пытающегося впервые поставить внешнее сравнение этого языка на фундамент принципа регулярных звукоответствий, с другой, то такое сопоставление явно в пользу

последних, хотя Г.Бергер одновременно предполагает родство языка бурушаски не только с дравидийскими, но и с баскским (Бергер, 1956). Необходимо отметить, впрочем, что постулируемые им фонетические корреспонденции убедят далеко не каждого лингвиста. Вместе с тем, известный дравидолог Ж.Блок не высказывается в отношении бурушаски-дравидского родства сколько-нибудь определенно (Блок, 1952).

Совершенно недостаточная изученность языка, несомненно, дает себя знать и в следующем далее очерке.

ФОНЕТИКА

ВОКАЛИЗМ

В вокализме бурушаски существуют противопоставления гласных по количественному и качественному признакам. Количественное противопоставление реализуется наличием фонологических рядов долгих и кратких гласных.

Качественные оппозиции образуются противопоставлением гласных по ряду, подъему и наличию или отсутствию огубленности.

Схему гласных фонем, предложенную Г.Моргенштерне, можно представить следующим образом:

Таблица 1

Ряд \ Подъем	Передний	Средний	Задний
Верхний	<i>i ĩ</i>		<i>u ʊ</i>
Средний	<i>e ē</i>		<i>o ɔ</i>
Нижний		<i>a ʌ</i>	

Передний ряд представлен только неогубленными гласными.

Верхний подъем составляет пара *ĩ, i*. Долгий *ĩ* произносится на самом верхнем подъеме, напряженно. Краткий *i* звучит обычно несколько ниже, на пятой ступени подъе-

ма (приближаясь к английскому *l*). Примеры: *il* 'ушко иголки' — *il* 'губа', *hiʃ* 'дыхание' — *hiʃ* 'изобилие', *dir* 'граница' — *dir* 'нависающая скала', *ʒirbi* 'бекас' — *ʒirbi* — название растения, *girān* 'дорогой' — *girān* 'корзина из прутьев'.

Средний подъем представлен парой $\bar{e}$, *e*. Кроме них отмечаются еще более широкие звукотипы $\bar{e}$, *e*. Однако краткий *e*, как отмечает Г.Моргенстьерне⁸, представляет собой вариант краткого *e*, чем обусловлена возможность дублетного произношения: *bε//be* 'что', *bεl//bel* 'лопата', *mεn* 'кто' (обращает на себя внимание сходная позиция всех случаев употребления *e* — в основном после губных согласных, в абсолютном исходе слова, и в случаях различных стяжений *a* и *i*). В некоторых случаях он, по-видимому, является вариантом краткого *a* после гласных переднего ряда и согласных палатальной артикуляции (*εʃlān // εʃlān* 'мы сделаем'). Долгий же $\bar{e}$ в начале слова очевидно является вариантом $\bar{e}$ или долгим дифтонгоидным звуком, появляющимся на месте слитного произнесения двух последовательных гласных фонем: *i + a* и *a + i*: *εsyto* 'она сказала ему' (< *i + a*), ср. *éi* 'его дочь' (с тем же типом стяжения); $\bar{e}i$ 'мой сын' (< *a + i*). После губных он, возможно, представляет вариант $\bar{e}$: *mēn* 'старый', *bēl* 'опора'. Г.Моргенстьерне не исключает возможность трактовки долгого $\bar{e}$ как самостоятельной фонемы, однако скорее всего этот звук представляет позиционные варианты $\bar{a}$ и $\bar{e}$.

Средний ряд представлен, согласно схеме Моргенстьерне, только нижним подъемом — гласными $\bar{a}$, *a*. Однако Д.Лоример отмечает также гласный среднего подъема (ср. $\bar{ʒ}ak$ 'полдень' — $\bar{ʒ}ak$ 'полный') и верхнего (изображаемый им как $\bar{i}$). Последний является, по его мнению, вариантом *u* и *i* в соседстве с продвинутыми *g* и *q*⁹. Однако это требует еще

⁸ Morgenstierne, 1945, стр. 83.

⁹ Lorimer, 1935, стр. 3.

дальнейшего исследования. Не исключено, что средний ряд кроме гласных нижнего имеет также гласные среднего и верхнего подъема типа $\bar{e}$ и (или) *y*.

Гласные $\bar{a}$ и *a* различаются, по-видимому, не только длительностью, но и степенью вариативности аллофонов. Краткий *a* имеет большой диапазон вариантов: в соседстве с губными, заднеязычными, вулярными и носовыми согласными он выявляет вариант заднего ряда типа *l*: $\bar{ʒ}ak$ 'полдень', *-luulnas* 'заставить взять'; перед *r* появляются обычно варианты переднего ряда типа $\bar{e}$, *e* и среднего ряда второй ступени подъема типа $\bar{a}$: *-luεnas* 'ложиться спать', *bεr* 'слово' (с послелогом *blatεr*). Долгий $\bar{a}$ довольно стабилен, однако и он может сдвигаться назад к варианту типа *l*. Примеры: *gal* 'можжевельник' — *gāl* 'рана', *gar* 'женитьба' — *gār* 'головокружение', *-litānc* 'нога' — *-litānc* 'бровь', *blʒ* 'мост' — *bāʒ* 'язык', 'речь', *blt* 'плоский камень' — *bā/lt* 'вареный рис', *hal* 'или' — *hāl* 'государство'.

Гласные заднего ряда — огубленные.

Верхний подъем представлен гласными $\bar{u}$ — *u*. Долгий $\bar{u}$ обычно верхнего — шестого — подъема, краткий произносится на одну или полступени ниже, типа *v*. Примеры: *bun* 'нагорье', *būn* 'валун', 'галька', *yun* 'колода' — *yūn* 'перепелка', *muʒ* 'конец' — *mūʒ* 'дыхание', *buri* 'серебро' — *būri* 'мешок', *qvdvr* 'маленькая ямка', 'дырочка' — *qudūr* 'сорт абрикосов'.

Средний подъем представлен парой $\bar{o}$, *o*. Об артикуляции их точных сведений нет. Примеры: *dorās* 'молоть' — *dōrās* 'падать', *ōmus* 'мой язык' (анат.), *ōri* 'мой ноготь', *ōl* 'мой живот', *ōjis* 'моя нога'.

Кроме того, Г.Моргенстьерне отмечает наличие $\bar{ɔ}$ или $\bar{ɔ}$ (в примерах им принята нотация $\bar{ɔ}$ в заключении — $\bar{ɔ}$), отражающего сочетание *u + a*. Приводимые им примеры содержат этот звук либо в начале слова, где может

быть дифтонгоидное *o* с вялым приступом типа *w_o*, что обычно для многих языков (например, *Altalik* 'оба'), либо после префиксального показателя 2-го лица единственного числа *gu-*, когда основа начинается с *-λ*: (*λ < u + λ*) *gɔs* 'твое сердце', *gɔkin* 'твоя печень', *gɔi* 'твоя дочь', *gɔʒɔ* 'твой брат', *gɔʒɔl* 'твой рот' (ср. однако *guʒ* 'твоя шея' < *gu + λʒ*). В этих случаях мы имеем дело с стяженным позиционно сочетанием *u + a*, звучащим также *w_o* или *w_λ*, которое вряд ли стоит выделять в самостоятельную фонему.

Релевантность признака долготы гласных не всегда ясна. В ряде случаев отмечается дублетная фиксация гласных в слове с долготой и без нее. Однако закономерности здесь проследить не удастся. Не исключено, что в части этих случаев мы обязаны дублетностью не материалу, а записи.

В работах Г.Моргенштерне и Д.Лоримера отмечаются также сверхдолгие гласные, изображаемые как сочетания долгих и простых: *dɔ(o)ɲas* 'уничтожать', 'портить', 'разрушать', *dɔmɲas* 'менять', *kūuti* 'дикий голубь', *sālce* 'на солнце'. В ряде случаев фиксация долготы гласных в одних и тех же словах различается у разных исследователей: Г.Моргенштерне — *ʒūi* 'абрикос', *ʒūi* 'виноград', Д.Лоример — соответственно *ʒu*, *ʒū*. Г.Моргенштерне не исключает связи сверхдолготы с тонами¹⁰. Во всяком случае в настоящее время трудно решить фонологическую релевантность сверхдолготы: она может явиться в одних случаях чисто случайной — результатом подчеркнутого удлинения информантом фонологически обычного долгого гласного «для записи» (особенно часто это бывает при повторном произношении слова по просьбе записывающего), в других случаях — фонетической сверхдолготой (нерелевантной фонологически) при

¹⁰ Morgenstierne, 1945, стр. 87

частичном фонетическом стяжении двух гласных фонем, стоящих рядом, что в бурушаски отмечается весьма часто, особенно на морфемных швах: ср. *désilimi* 'он намочил его', *dásilimi* 'он намочил его для меня' — *déésilima* 'ты заставил его намочить его', *dálsilima* 'ты заставил его намочить его для меня' — в последнем примере «сверхдолгий *a*» представляет собой фактически последовательность фонем *a* и *a*¹¹.

Дифтонги отмечаются Д.Лоримером¹² в виде *ai* и *au*. Фонемная сущность их неясна: дифтонги в бурушаски, как и во многих других языках, могут быть интерпретированы и как монофонемные, и как бифонемные сочетания. Г.Моргенштерне склонен считать их скорее бифонемными сочетаниями¹³ и, думается, он прав.

Дифтонгам говора Нагира в говоре Хунзы соответствуют долгие монофтонги *ē* и *ō*: Н. *āil* 'мой живот', *āus* 'моя жена', *āil* 'моя губа' — Х. *ōl*, *ōs*, *ēl*.

Таким образом, вокализм бурушаски можно считать состоящим из системы фонем-монофтонгов, представленных в таблице 1, и, возможно, фонем среднего ряда не-нижнего подъема. Дифтонги, по-видимому, являются бифонемными сочетаниями, поэтому в системе гласных фонем специально не рассматриваются. Количественные характеристики гласных прослеживаются как противопоставление долгих и кратких. Фонологическая релевантность сверхдолгих сомнительна.

Назализация отмечается в основном в говоре Нагира в ряде слов: *ūulto* 'тайно', *rii* 'усы'; в говоре Хунзы назализация, очевидно, имеется только в ономапоэтических словах: *ʒū* или *ʒū̃* *ɛɲas* 'дуть с ревом (о ветре)'. Заимствованные слова с назализованными гласными сохраняют назали-

¹¹ Lorimer, 1936, стр. 627

¹² Lorimer, 1935, стр. 3.

¹³ Morgenstierne, 1945, стр. 86.

зацию в говоре Нагира, но теряют в говоре Хунзы. Однако и в говоре Нагира ее отмечают не все исследователи. Скорее всего, она не является фонологической и здесь.

КОНСОНАТИЗМ

Консонантизм языка бурушаски довольно сложен, но вполне соответствует сложным консонантным системам данного ареала, сближаясь в одних чертах (наличием придыхательных и церебральных $\check{s}$, $\check{c}$, $\check{j}$) — с дардскими, отдельными тибетскими и — по церебральности — отдельными иранскими языками, в других (наличием γ и, возможно, $\check{\gamma}$) — скорее только с иранскими языками южного Памира и Афганистана.

Оппозиция по звонкости-глухости прослеживается довольно четко в смычных (чистых и аффрикатах), хотя и здесь отдельные ряды не имеют звонких или глухих коррелятов. Это относится к носовым, представленным только звонкими согласными, и однофокусным аффрикатам, представленным только глухими.

В увулярном ряду отсутствует звонкий смычный коррелят к q . Однако аффрикатное произношение γ в начале слова (изображаемое Г.Моргенштерне как $\beta\gamma$) указывает на то, что γ не только щелевой, а частично занимает и позицию звонкого смычного, в зависимости от положения в слове: $\beta\gamma\tilde{i}\tilde{n}$ 'виноград', $\beta\gamma\tilde{e}n\tilde{i}\check{s}$ 'золото'.

В щелевых же оппозиция звонкости-глухости наблюдается фактически только у однофокусных переднеязычных, представленных парой $s-z$. Звонкие двухфокусные $\check{z}$ и $\check{s}$ являются фонетическими вариантами $\check{j}$ и $\check{j}$ в корреляцию с $\check{s}$ и $\check{z}$ не входят. Таким образом, двухфокусные переднеязычные представлены только глухими согласными $\check{z}$ и $\check{s}$, все остальные щелевые — и срединные, и боковые — только звонкими ($w, y, \check{\gamma}, \gamma, h, l$). Дрожащие представлены звонким r .

В целом и звонкие, и глухие встречаются практически в любых позициях. Однако обращает на себя внимание тот факт, что начальные звонкие $\gamma, g, d, b, w, \check{j}$, попадая в результате морфологических изменений в интервокальную позицию, в ряде случаев чередуются с соответствующими глухими смычными: $q, k, t, p, \check{c}$: ср. $b\check{e}l\tilde{a}s$ 'надевать' — причастие прошедшего времени $n\tilde{u}r\check{e}l$, отрицательная основа $-ar\check{e}l$, однако каузативная основа — $-\check{a}bil$; $-w\check{a}r\tilde{a}s$ 'уставать' — каузатив $-l\check{s}p\check{a}r\tilde{a}s$; оглушается также местоименный префикс 2-го лица единственного числа $gu-$ после частицы отрицания: $a-ku-w\check{a}r$ 'не уставай'. В некоторых случаях отмечается такой же переход $h > k$: $h\check{a}n\tilde{a}s$ 'знать' — отрицательная форма $ak\check{e}n\tilde{a}s$, $ak\check{h}e\tilde{n}\tilde{a}s$, но причастие $n\tilde{u}h\check{a}n$; $h\check{i}r$ 'человек' — $-askir$ 'свекр', 'тесть' (ср. gus 'женщина — $-askus$ 'свекровь',

Таблица 2

Система согласных

По способу образования	По месту образования	Губные	Язычные				Увулярные	Фарингальные
			переднеязычные		срединноязычные	заднеязычные		
			церебральные	церебральные				
Смычные	чистые	невосовые	$p\ r\ h\ b$	$t\ t^h\ d$	$\check{t}\ \check{t}^h\ \check{d}$		$k\ k^h\ g$	$q\ q^h$
		восовые	m	n		$\check{n}$	γ	
	аффрикаты	однофокусные		$s\ sh$				
		двухфокусные		$\check{s}\ \check{s}^h\ \check{j}$	$\check{z}\ \check{z}^h\ \check{j}$			
Щелевые	срединные	однофокусные	w	$s\ z$		y	$\check{y}$	$\check{r}\ h$
		двухфокусные		$\check{z}\ [X]$	$\check{s}\ [X]$			
	боковые		l					
Дрожащие			r					

‘теша’). Однако поскольку такое чередование связано лишь с определенным кругом морфологических форм и не происходит в той же фонетической позиции в других формах, интервокальную позицию нельзя считать позицией нейтрализации признака звонкости-глухости.

Оппозиция придыхательности-непридыхательности прослеживается только у глухих согласных, как и в соседних индийских и дардских языках. Она прослеживается очень последовательно, например: *pl* ‘бесчувственный’ – *phl* ‘зерно’, *tlr* ‘листок’, *thlr* ‘ночь’.

В словах, заимствованных из персидского и английского языков, где начальные глухие смычные звучат с придыханием, в говоре Хунзы начальный глухой передается фонологическим придыхательным: *phúlis* ‘полицейский’, *phéida* ‘рожденный’, *khđt* ‘пальто’; в говоре Нагира – непридыхательным: *púlis*, *páida*, *kđt*.

Г. Моргенштерне¹⁴ отмечает среди морфологических чередований, связанных с глагольными формами, потерю придыхательности начальными придыхательными глагола, когда они попадают в позицию перед неударными гласными (при сохранении ее перед ударными гласными). Теряет аспирацию согласный и попадая в сочетание «щелевой + смычный»: *di-nchír* ‘распространяться’ – *dí-ncir* ‘распространять’; *[-faltas]* – */phaltas/* ‘ломать’, ‘разбивать’ – *áteralt* ‘не ломай его’; *thai* ‘погаснуть’ – *žstai* ‘погасить’; *chi(y)l* ‘идти вниз’, ‘спускаться’ – *-lci* ‘нажимать’; *-khəral* ‘опоздать’ – *-lskəral* ‘задержать’; *[xōlas]* – */qhōlas/* ‘болеть’, ‘саднить’, ‘жечь’ – *-lsql* ‘сжигать’, ‘обжигать’; *i-phūrə* ‘растирать зерно между ладонями’ – *ēšpur* (то же); *đ-úkhla* ‘остановиться’ – *đ-áskla* ‘остановить’.

¹⁴ Morgenstierne, 1945, стр. 75 и сл.

Дезаспирация отмечается и в образовании форм причастия прошедшего времени от некоторых глаголов: *guchərl* ‘гулять’ – *nikūcər*, *gučhai* ‘ложиться’ – *nikūčən*. В материалах Д. Лоримера ударение в этих словах не проставлено, но Г. Моргенштерне предполагает, что оно здесь падает на долгий *ū*, и приходит к выводу, что имеется определенная зависимость между количеством гласного, ударением, придыхательностью и звонкостью согласного¹⁵.

Оппозиция церебральности делит переднеязычные – носовые смычные и двухфокусные – аффрикаты и щелевые, – по способу сближения передней части языка с небом. В связи с этим изображение как церебральных *g, q, ɟ*, являющихся продвинутыми вперед вариантами заднеязычных и увулярных фонем *g, q, ɟ* в позиции перед *i* и последующим *ʃ*, как это делают Д. Лоример¹⁶ и затем Г. Моргенштерне¹⁷, трудно признать целесообразным.

Смычные церебральные щелевые и аффрикаты – двухфокусные и, по-видимому, при противопоставлении по церебральности определенную роль играет и место артикуляции второго фокуса, который у церебральных всегда заднеязычный. Однофокусные срединные щелевые и аффрикаты (*c, ch, s, z*) не имеют противопоставленных церебральных пар.

Носовой *ɲ* отмечается как вариант *n* в соседстве с церебральными носовыми, так же, как палатальный *ɲ* является, по-видимому, вариантом *n* перед среднеязычными и в некоторых других позициях, в то время как *ɲ* представляет собой, по-видимому, самостоятельную фонему (ср. *-ɲgi* ‘перед’, *-ɲi* ‘борода’), но ограниченную дистрибутивно, поскольку она не встречается в начале фонетического слова.

¹⁵ Morgenstierne, 1945, стр. 78-79.

¹⁶ Lorimer, 1935, стр. 5-7.

¹⁷ Morgenstierne, 1945, стр. 69-70.

Фонологически церебрального *l*, по-видимому, также нет. Церебральный *r* прослеживается лишь как неполносмычный вариант *d*.

Особо следует оговорить фонетическую характеристику фонемы *ǰ*. Д. Лоример и за ним Г. Моргенштерне относят ее к церебральным, изображая знаком *y* (сам знак мало оправдан, поскольку он применяется для среднеязычного *y*, который физически не может быть церебральным). По описанию Д. Лоримера¹⁸, этот звук является чем-то средним между французским *r* и *ʒ*, *l*, *ʒ*, а по описанию Г. Моргенштерне¹⁹, походит на церебральное фрикативное *r*.

В целом, при сопоставлении этих описаний *ǰ* представляется как звукотип типа *ǰ*, существующего в памирских языках и диалектах пушту и произносимого сближением с нёбом задней части языка (отсюда оттенок *ʒ* или французского *r* и впечатление «церебральности», так как заднеязычный фокус этого звукотипа совпадает со вторым фокусом церебральных шелевых и аффрикат) и параллельным нёбу положением основной части языка, с возможным поднятием или опущением его кончика (отсюда возможность трактовки его как однофокусного заднеязычного и как двухфокусного со вторым переднеязычным фокусом). В позиции перед *u* фонема *ǰ* может переходить в *w* и затем исчезать; ср. запись: *dōyut*, *doyut* (Лоример), *dōyt* (Моргенштерне), *doyot* (Бидделф), *dot* (Лейтнер) «правая (рука)»²⁰.

В ряде случаев (и это хорошо прослеживается на заимствованиях из санскрита) *ǰ* в бурушаски появляется из

¹⁸ Lorigier, 1935, стр. 6.

¹⁹ Morgenstierne, 1945, стр. 68 и сл.

²⁰ Ср. аналогичное явление в памирских языках: соответствие шугнанского *ǰ* рушанскому *w* и *ʃ* на месте исторического *ǰ из *ʒ и **r*z.

r (которое в свою очередь является рефлексом древних *d*, *t*), возможно, через ступень *ǰ: *pāǰo* «клин» (скр. *pāṭaka-*).

Оппозиция смычные-несмычные представлена довольно четко. Однако смычные губного ряда в бурушаски, как и во многих других языках севера Индостана, имеют слабую смычку, поэтому придыхательный *ph* (и, реже, *p*) часто звучит как аффриката *pf* или шелевой *f*: *ph/pf//pāpās* «расти», *ph/pf//lālp* «открывать». Аналогичная картина наблюдается и с *kh* и *qh*, которые часто произносятся как (соответственно — заднеязычный или увулярный) шелевой *x*: *x/kh/qhāt* «варенные овощи», *-xāt*, *-qhāt* «рот». Эта тенденция поддерживается, очевидно, постоянными заимствованиями из персидского и арабского, содержащими эти звуки; *musāphir*, *musāfir* «странник» (ар. *musāfir*), *x/khiyāl* «мысль», *khāṭ*, *k(h)āṭ*, *qhāṭ* «известие».

Шелевой *w* носит губно-губной характер, поэтому, при отсутствии на фонемном уровне *f*, губно-зубной ряд полностью отсутствует.

Звонкие аффрикаты также имеют слабую смычку и в результате звучат иногда как соответствующие шелевые: *ǰ-ʒ*, *ǰ-ʒ*: *ǰ/ǰāt* «лук», хотя такие шелевые на фонемном уровне не засвидетельствованы. Звонкая аффриката, которая соответствовала бы глухой *c* — типа *z* вообще не засвидетельствована, очевидно она окончательно перешла в соответствующий шелевой *z*, который чередуется с *c* в морфологических парах: *hūnc* — мн.ч. *hūnze* «стрела».

Не совсем ясна фонологическая релевантность фарингального *h*. Он отмечен в основном в начале слова, реже — в середине слова перед ударным гласным. В позиции перед неударным гласным в исконных словах он, как правило, исчезает: *n(u) + huruṭ > nūruṭ* «усевшись», *-luruṭās* «заставить сесть»; в заимствованиях отмечается дублетное произношение: *tā/lāt* // *tāhāt* «слуга». В определенных случаях *h > k* (см. выше). Не исключено, что *h* не представляет со-

бой самостоятельной фонемы, а является лишь фарингальным приступом к гласному в начале слова.

Геминаты как самостоятельные фонемы в бурушаски не прослеживаются. Отсутствует практически и фонетическая геминация. Она отмечается лишь изредка в некоторых заимствованных словах [м(т)а 'но', be-izzat 'опозоренный'], в некоторых исконных словах на стыке морфем: блуџгк-(к)иџ 'несчастье', гһлп-пџ 'вниз'. Отмечаются также единичные примеры, которые Г. Моргенштьерне²¹ относит к случайному удлинению согласных: дэмоqqičila 'падает', јиџџитџа 'ты идешь сюда?' Таким образом, геминация как фонологически релевантная черта отсутствует.

МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА И СЛОГА

Помимо отмечавшихся выше дезаспирации и оглушения согласных, одним из характерных типов морфонологических чередований является чередование непалатальных согласных в исходе основ с «палатальными» (т.е. согласными, имеющими средняязычную артикуляцию основного или второго фокуса — *y, ʃ, č, ʝ* и т.п.) при словоизменении и словообразовании. Таково, например, появление «палатальных» при образовании основы настоящего времени от основы прошедшего в глаголе, а также при образовании форм множественного числа имен. Наиболее характерными для бурушаски морфонологическими чередованиями являются *c~č, s~š, n~ny* и *ɲ~ny* на стыке простой основы и производной или суффикса словоизменения (примеры см. в соответствующих разделах).

В принципе в бурушаски допустимы стечения согласных. Д. Лоример отмечает следующие: в начале слова — *br, dr, pr, tr* в конце слова — *lč, lk, lš, lt, nc, nš, rk, rš, rč, rt, rc, sk, šk*. В

²¹ Morgenstjerne, 1945, стр. 71.

середине слова их значительно больше. Однако обращает на себя внимание отсутствие трех и более консонантных групп, а также то, что в двухконсонантных группах преобладают сочетания с плавными (*n, l, r*), единичны сочетания с щелевым (*s*) и нет ни одной группы из двух смычных. Это указывает на то, что бурушаски не терпит больших консонантных скоплений и имеет тенденцию к их упрощению и ослаблению (например, *setlmbər* 'сентябрь' из англ.). Это наблюдается, в частности, при совмещении ряда согласных на морфемных швах, например, при присоединении классных показателей, когда наблюдаются различного рода стяжения и слияния. Результатом тенденции к упрощению и облегчению консонантных групп является отмечаемый Д. Лоримером²² и Г. Моргенштьерне²³ переход сочетаний «*s* или *ʃ* + смычный *t* или *p*» в группы типа «*s* + соответствующая аффриката»: *st > sc, ʃt > ʃč* (при сохранении смычных в нарочито архаической речи): *dūst/cak* 'вещь', 'предмет', *aščiŋ* 'поясница' (ср. вершик. *ašting*), *yast/cəro < yas(t) + təro* 'сёстры'.

Стечения гласных в бурушаски довольно часты. Отмечаются случаи как прямого соседства гласных, по-видимому, с постепенным переходом артикуляции от одного гласного к другому, так и, по-видимому, случаи перерыва в голосе. Наблюдается также появление вставных согласных типа *y*, предупреждающих зияние. Примеры: *būa* 'корова', *dluḃlḃ* 'мука', *chṭər, cīlṭ* 'молодой бычок', *juḃul* 'приходить', *bišaiyul* 'бросать'.

При стечении качественно однородных гласных в ряде случаев образуются сочетания, рассматриваемые Г. Моргенштьерне как сверхдолгие гласные (см. выше).

²² Lorimer, 1935, стр. 9.

²³ Morgenstjerne, 1945, стр. 73.

При соседстве двух гласных, получившемся в результате морфемных наращений, происходят различного типа стяжения, например: $\bar{e}d\bar{e}lin$ ($\bar{e} < a + i$) 'не бей его', $at\bar{a}s$ ($a < a + a$), $got\bar{a}s$ ($o < u + a$), $mot\bar{a}s$ ($o < u + a$), $met\bar{a}s$ ($e < i + a$), $mat\bar{a}s$ ($a < a + a$), $ot\bar{a}s$ ($o < u + a$), $et\bar{a}s$ ($e < i + a$) — формы инфинитива от $-at\bar{a}s$ 'делать' с местоименными префиксами.

Иногда происходят стяжения целых слогов (при ослаблении и выпадении некоторых интервокальных согласных): $ni\bar{c}i\ b\bar{t}la > ni\bar{c}\bar{t}la$ 'оно (неодуш.) идет', $et\bar{a}\ b\bar{a}m > et\bar{a}\bar{m}$ 'ты сделал'.

Исконные слова бурушаски не имеют звонких согласных в конце слова. Конечные звонкие согласные в заимствованиях часто оглушаются: $ad\bar{a}b > ad\bar{a}p$ 'воспитанность', $kit\bar{a}b > kit\bar{a}p$ 'книга'. Таким образом, в конце слова происходит нейтрализация оппозиции звонкости-глухости.

Начало слова фонологически не ограничено: здесь могут употребляться гласные и согласные любого качества. Однако обращает на себя внимание тенденция к озвончению глухих в начале слова, особенно заметная на заимствованном материале: ср. $bada$ 'шаг' (< скр. $pada-$), $b\bar{a}d\bar{s}a$ 'царь' (< перс. $p\bar{a}d(e)\bar{s}ah$), $gip\bar{a}s$ 'хлопок' (ср. скр. $karp\bar{a}sa-$).

Фонологическая структура производных именных и глагольных основ существенно варьирует. Преобладают односложные основы закрытого слога типа CVC ($ba\bar{y}$ 'смола', $ga\bar{n}$ 'путь', 'дорога', $d\bar{i}l-$ 'мокнуть', $\bar{s}ha\bar{p}$ 'мясо', $ha\bar{k}$ 'пар', $su\bar{m}$ 'самка', $ti\bar{k}$ 'земля', $wa\bar{t}-$ 'пахать'). Широко распространены и двухсложные основы закрытого исхода типа CVCVC ($bi\bar{d}i\bar{n}$ 'шум', $\bar{s}uruk$ 'кусочек', $da\bar{s}in$ 'девочка', $ga\bar{m}in$ 'корень', 'дно', $ha\bar{y}ur$ 'лошадь', $-s\bar{u}s\bar{u}n$ 'локоть', $\bar{z}akun$ 'осёл'). Реже встречаются основы открытого исхода типа CVCV ($d\bar{a}do$ 'дед', $ga\bar{n}i$ 'топор', $khi\bar{s}o$ 'комар', $\bar{z}ame$ 'лук') и особенно редко — типа CV (bo 'семья', ha 'дом', ta 'вы', tha 'сто', sa 'солнце').

В глаголе колебания, пожалуй, еще большие: от одноконсонантных и двухконсонантных основ, гласное наполнение которых появляется только в речи за счет гласных аффриксов лица и класса, до многосложных основ: основа $d-$ 'приносить' — $d\bar{u}cam$ 'я принес его (неодуш.) им', $dic\bar{u}man$ 'они принесли его ему'; $b-$ 'быть', ba 'ты еси', bi '(животное) есть', bo '(она) есть' и т.п., ср. $-astaqa(y)-$ 'прятать' — $g\bar{o}staqaiyam$ 'я спрятал тебя'.

ТОНЫ

В бурушаски отмечаются фонологически значимые тоны. Исследованы они крайне слабо. Можно считать установленным только факт наличия не-нейтральных тонов: 1) в довольно небольшом количестве слов и 2) в каждом из них, по-видимому, только в одном слоге. Не встречено (пока) случая наличия двух разнотонированных не-нейтральных слогов в одном слове.

Количество и точная характеристика тонов пока неясны. Профессор С. Варма, хорошо знавший паяджаби, отмечает в бурушаски не же три тона, которые характерны для паяджаби: ровный, низкий-повышающийся и высокий-понижающийся: ср. $ba\bar{m}r$ 'слово', $ba\bar{r}$ 'ущелье', 'русло'; $i\bar{}$ 'его сын' — $i\bar{}$ 'он сам', $la\bar{i}$ 'мой сын' — $la\bar{i}/a\bar{i}$ 'моя дочь', $di\bar{m}ri\bar{s}$ 'печь' — $di\bar{m}ri\bar{s}$ 'стряпать'.

Д. Лоример не анализирует тонов, ссылаясь на работу С. Варма. Однако в словаре он отмечает различие в тоне между рядом слов, например: $i\bar{p}r$ (высокий тон?) 'устройство' — $i\bar{p}r$ (низкий тон) 'плохой', $m\bar{e}\bar{s}$ (высокий тон) 'сеянец' — $m\bar{e}\bar{s}$ (низкий тон) 'кожаный мешок', $y\bar{u}a$, $y\bar{u}a$ (первый слог с высоким тоном) 'спуск' — $y\bar{u}a$, $y\bar{u}a$ (оба слога с низким тоном) 'молодая луна'. Кроме того, он отмечает понижение тона при удлинении гласного в деминутивных основах от основ с гласными u и o : $lu\bar{k}la\bar{n}$ 'немного' — $lu\bar{u}ka\bar{n}$ 'очень немного'; $\bar{s}o\bar{n}$ 'слепой' — $\bar{s}o\bar{u}n$ 'слеповатый', $y\bar{u}$ 'хромой'

-улу́й—'хромоватый'²⁴. Однако здесь же он рассматривает как изменение тона и чередования с другими гласными (переход в *i* — как повышение, в $\bar{a}$ — как понижение тона), что уже связано с тембром гласного, а не с фонологическим тоном. Г.Моргенштьерне отмечает, что некоторые изменения гласных можно отнести за счет тона²⁵, что вполне вероятно, однако до фонетического и фонологического исследования тонов в бурушаски этому взгляду, очевидно, суждено остаться в области предположений.

УДАРЕНИЕ

Вполне вероятно, что фонологически релевантного ударения в языке бурушаски нет, — к такому выводу приходит Г.Моргенштьерне²⁶, и с ним, по-видимому, можно согласиться. Д.Лоример²⁷ отмечает, что ударение слабо выражено и непостоянно в одних и тех же словах. Тот факт, что различные исследователи отмечают ударение зачастую в одних и тех же словах и на одном и том же месте, объясняется, как полагает Д.Лоример, тем, что оно отмечается на долгом гласном либо на фонетически кратком гласном, который является «относительно долгим», т.е. фонологически долгим. С.Варма в двухсложных словах отмечает ударение на каждом из слогов. Все эти факты говорят, по-видимому, о фонологической иррелевантности ударения.

С другой стороны, если исключить случаи двухсложных слов с одним долгим слогом, на который всегда падает ударение, отмечаются случаи, где как будто прослеживается

²⁴ D. L. R. Lorimer, 1936, стр. 632-635.

²⁵ G. Morgenstierne, стр. 85, 87, 88 и др.

²⁶ G. Morgenstierne стр. 89.

²⁷ D. L. R. Lorimer, стр. 13.

ударение, хотя и очень слабое. Г.Моргенштьерне усматривает определенное количество двухсложных слов с двумя краткими гласными, из которых в 45 словах ударение падает на второй слог, в 10 — на первый: ср. *gup'ás* 'хлопок', *šarík* 'хлеб', *hlyúg* 'лошадь', *šiqím* 'голубой', но *khárup* 'ложка', *hámál* 'сосед'.

Существует ряд морфологически релевантных типов обусловленности места ударения: так, переходные и каузативные глаголы, начинающиеся на *-a-*, *-as-*, *d-a-*, *d-as-*, принимают ударение на местоименный префикс. Существительные с префиксальными личными и классными показателями имеют обычно ударение на первом слоге после префикса: *a-táts* 'моя ладонь', *ákin* (*a + ákin*) 'моя печень', *áskus* (*a + áskus*) 'моя теща, свекровь', *aqhát* 'мой рот', *améh* 'мой зуб'. Префигурируемые имена, начинающиеся с сочетания «*-l + согласный*», имеют ударение на префиксе: *álčín* 'мой глаз', *ílgaš(iy)* 'уголок глаза', *áltumal* 'мое ухо'. Имеются и другие типы морфологической обусловленности²⁸.

Г.Моргенштьерне²⁹ считает, что редукция гласных при морфологических изменениях, связанных с наращением формантов, является результатом переноса ударения: например, при наращении каузативного префикса *a(s)-* ослабляется первый гласный основы: *-lspalás* от *-wálas* 'терять', *-dilás* от *délas* 'бить', *děskərəs* 'поливать (дождю)' от *gārcas* 'бежать', 'идти', при наращении суффиксов: *hír* 'человек' — *hirīški* 'человеческий'. Иногда происходит полное выпадение гласного: *gúšuginás* 'советоваться' — причастие прошедшего времени — *nikūškin*; *dusōkás* 'спешиваться', 'слезать' — отрицательное причастие *ltúskum*; *šiqár* 'стыд' — *šqarás* 'сты-

²⁸ Подробнее см. Lorimer, 1935, стр. 13; Morgenstierne, 1945, стр. 90.

²⁹ Morgenstierne, 1945, стр. 91.

даться', *šiyas* 'есть' — осн. наст. вр. *šeš-* — *ēššimo* 'она не ест' и т.п. Однако все рассмотренные случаи могут быть объяснены не переносом ударения, а обычной фонетической редукцией гласных в образующемся при наращении аффиксов многосложном слове.

Из сказанного выше следует, что если в бурушаски фонетическое выделение одного из гласных в слове и имеет место, оно является обычно очень слабым и в фонологическом плане может трактоваться как долгота. Фонологическая релевантность ударения остается здесь сомнительной.

МОРФОЛОГИЯ

Бурушаски относится к языкам агглютинативного типа с резким преобладанием синтетизма над аналитизмом. В формообразовании различных классов слов суффиксация господствует над префиксацией. Морфологическая система языка очень богата. Особенно разветвленной системой словоизменения обладает глагол.

Слова могут быть разделены на две группы: самостоятельные и служебные. К самостоятельным словам относятся: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, а также междометие. Глагол и именные части речи как правило строго дифференцированы в формальном плане. Однако внутри именных частей речи формальные разграничения провести довольно трудно, вследствие чего обособление от имени существительного прилагательных, числительных и отчасти местоимений во многом опирается на семантический признак. Послелого, союзы и частицы составляют группу служебных слов (впрочем, многие послелогов недостаточно четко обособлены от наречий). Специфической структурной чертой бурушаски, выделяющей его на фоне окружающих языков, является наличие категории грамматического класса, играющей важную роль в его морфологической системе.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Все существительные в языке бурушаски распределены между четырьмя семантическими группами слов, из которых первую группу составляют существительные, обозначающие мужчин, вторую — обозначающие женщин, третью — живые существа и некоторые предметы, четвертую — все остальное³⁰. Так, к первой группе относятся: *kīr* 'мужчина', *xuda* 'бог', *hiles* 'мальчик', 'парень', *šugūlo* 'друг', *daḍaḍči* 'барбанщик', *phūt* 'демон', *gāčakuin* 'опекун' и др., ко второй: *gus* 'женщина', *yēniš* 'царица', *dasiñ* 'девочка', *šugūli* 'подруга', *gəḡōni* 'невеста', *rəri* 'пэри' и др., к третьей: *haḡur* 'лошадь', *uḡ* 'верблюд', *huk* 'собака', *baḡum* 'кобыла', *halanc* 'луна', *dan* 'камень', *mañḍāq* 'журавль' и др., к четвертой: *cil* 'вода', *yēniš* 'золото', *tami* 'молоко', *maltaš* 'масло', *-ltu-mal* 'ухо', *tutaḡkus* 'темнота' и др. Названия конкретных и абстрактных предметов распределены между третьей и четвертой группами существительных таким образом, что в первую из них включаются названия фруктов, частей дерева и деревянных изделий, некоторых космических и природных явлений, а в другую — названия жидкостей, мягких тел, деревьев, металлов, нематериальных и абстрактных понятий. Такая соотношенность, однако, не находит никакого отраже-

³⁰ Э. Бенвенист приходит на основании анализа классных противопоставлений числительных, а также форм притяжательных префиксов и классных показателей в формах 3-го лица глагола к предположению (которое впрочем не поддерживается рядом других фактов) о том, что система из четырех грамматических классов в бурушаски должна исторически восходить к более простому бинарному — противопоставлению «женского» и «неженского» классов, соответственно характеризовавшихся показателями *-o/-u* и *-i*: см. E. Benveniste, Remarques sur la classification nominale en Burušaski, BSLP, t.44, fasc.1 (1947-1948), стр. 71.

ния в морфологической структуре самого существительного (замечено только, что конечные согласные основы *-š*, *-č* и *-l* преобладают в существительных четвертой группы, а конечные *-n*, *-s*, *-c*, *-o* и *-u* чаще характеризуют существительные остальных групп), но имеет определяющее значение для морфологической системы языка в целом, поскольку она отражается на морфологии глагола, прилагательного и числительного, синтаксически связанных с существительными.

Напротив, самой морфологической структуре имени существительного присущи категории: определенности-неопределенности, числа, падежа и притяжательности.

Определенность-неопределенность

В роли показателя неопределенности имени существительного, стоящего в единственном числе, употребляется суффикс *-an* (восходящий к числительному *han* 'один'): *gus-an* 'какая-то женщина', *bešs-an* 'какая-то овца', *darōw-an* 'какое-то дело'. Падежные показатели и послелоги присоединяются уже к этой форме: ср. *gus-an-to* 'какой-то женщины' (косв. падеж), *belis-an-cim* 'от какой-то овцы' (послелог аблативного значения). Однако чаще наряду с суффиксом *-an* перед именем существительным ставится еще количественное числительное «один» в форме, соответствующей семантическому классу существительного, т.е. в форме *hin* для существительных I и II классов (*hin gas-an* 'какая-то принцесса', *hin gus-an* 'какая-то женщина') и в форме *han* для существительных III и IV классов (*han darōw-an* 'какое-то дело', *han gunc-an-ulo* 'в какой-то день', 'однажды'). Если имя существительное стоит в форме множественного числа, то в качестве показателя неопределенности выступает суффикс *-ik* (ср. абсолютную форму числительного «один» *hik*): *hir-ik* 'какие-то мужчины', *gušipenc-ik* 'какие-то женщины', *balašū-ik* 'какие-то птицы'. Формы определенности имени существительного в единственном числе образуются

присоединением того же суффикса *-an*, а также ставящегося впереди соответствующего указательного местоимения: *ēs hauwān-an* '[это] животное', *kōt taḡaḡ-an* '[эта] грязь'.

Число

Различаются два числа: единственное и множественное. Форма единственного числа имени существительного характеризуется в большинстве случаев отсутствием специального показателя. Исключение, по-видимому, составляют существительные с исходом на *-nč* (*gasa-nč* 'ястреб' ~ мн.ч. *gas-ān*, *ḡate-nč* 'сабля' ~ мн.ч. *ḡat-aḡ*, *baki-nč* 'бритва' ~ мн.ч. *baki-eḡ*), *-š* (*təri-š* 'дыра' ~ мн.ч. *təri-aḡ*, *wāri-š* 'покрывало' ~ мн.ч. *wāri-aḡ*) и *-š* (*ča-š* 'колючка' ~ мн.ч. *č-ān*, *sīndi-š* 'гусь' ~ мн.ч. *sīnd-ānc*).

Формы множественного числа находят очень многообразное выражение: всего насчитывается около семидесяти соответствующих суффиксов, из которых около пятидесяти ограничены очень узкими группами существительных. Хотя имеется ряд суффиксов множественного числа, присоединяемых к именам, соотносящимся со всеми четырьмя семантическими классами, в своем большинстве конкретные суффиксы ограничены рамками существительных, соотносящихся с каким-либо одним семантическим классом.

При присоединении суффикса множественности согласные исхода основы вступают в определенные морфонологические чередования, подчиняющиеся ряду правил. Так, например, конечный согласный основы *n* перед суффиксом мн. числа *-o* переходит в *-u* (*damān* 'хозяин' ~ *damāu-o* 'хозяева', *ḡin* 'вор' ~ *ḡiu-o* 'воры'), конечный согласный основы *s* перед суффиксом множественного числа переходит в *-š* (*hiles* 'парень' ~ *hileš-o* 'парни', *balas* 'птица' ~ *balaš-o* 'птицы'), конечный согласный основы *-c* переходит в *-č* (*huyēlterc* 'пастух' ~ *huyēlterč-o* 'пастухи', *ḡūic* 'ваханец' ~ *ḡūič-o* 'ваханцы') и т.п. Иногда при этом происходят и более сложные

преобразования основ: ср. *yēniš* 'царица' ~ *yēn-anc* 'царицы', *būriš* 'тыква' ~ *būri-enc* 'тыквы', *biranč* 'тутовое дерево' ~ *bir-āy* 'тутовые деревья', *ošin* 'гость' ~ *oš-o* 'гости'. Однако супплетивный способ образования формы множественного числа, по-видимому, не встречается (возможное исключение составляет существительное *-ai* 'дочь' ~ *-yugušanc* 'дочери').

Помимо отмеченного выше суффикса множественного числа *-o* в бурушаски широко употребительны следующие суффиксы: *-anc* (*uř* 'верблюд' ~ *uř-anc*, *baš* 'мост' ~ *baš-anc*, *du* 'козленок' ~ *duw-anc*), *-enc* (*kaŋ* 'пруд' ~ *kaŋ-enc*), *-inc* (*bukak* 'боб' ~ *bukak-inc*), *-(i)šo(-uyər* 'муж' ~ *-uyər-šo*, *hayur* 'лошадь' ~ *hayur-išo*, *dāmal* 'барабан' ~ *dāmal-šo*), *-dero* // *-təro* (*-səyup* 'племянник' ~ *-səyup-dero*, *gušpur* 'принц' ~ *gušpur-təro*), *-mic* (*gəṛōno* 'жених' ~ *gəṛōno-mic*), *-ōyo*, *-oŋo* (*būš* 'кошка' ~ *būš-ōyo*), *-tiŋ* (*murid* 'ученик' ~ *murid-tiŋ*), *-aii* (*ūr* 'волк' ~ *ūr-aii*), *-ko* (*čiš* 'гора' ~ *čiš-ko*, *čər* 'скала', 'утес' ~ *čər-ko*, *uyūt* 'большой' ~ *uyūt-ko*), *-yo* (*tin* 'кость' ~ *tin-yo*), *-miŋ* (*bada* 'след' ~ *bada-miŋ*, *gaš* 'цена' ~ *gaš-miŋ*), *-uc* (*čilim* 'трубка' ~ *čilim-uc*, *-dim* 'тело' ~ *-dim-uc*). В ряде случаев форма множественного числа одного и того же существительного может образоваться посредством двух или даже трех различных суффиксов: ср. *ji* 'жизнь', 'душа' ~ *ji-miŋ* // *ji-mičiŋ*, *lili* 'фиалка' ~ *lili-miŋ* // *lili-omičiŋ*.

В отдельных случаях отмечается употребление форм так называемого вторичного множественного числа: ср. *guraltiŋ* 'брюки' (мн.ч.) ~ *guraltiŋ-čiŋ*.

Имеется небольшая группа существительных, включающая преимущественно обозначения различных продуктов и природных явлений, которая не образует форм множественного числа: *del* 'масло', *zahira* 'запас', *hak* 'пар', *mačhi* 'мед', *mul* 'каша', *sa* 'солнце', *šadur* 'селитра', *šakər* 'сахар', *taçaŋ*

'грязь', *xida* 'бог', *xurunč* 'туман' и др. Ей противостоит группа имен, постоянно выступающих в форме множественного числа: *ainakuc* 'очки', *guraltiŋ* 'брюки', *halanc* 'луна', *-pinišo* 'волосы', *phetiŋ* 'зола', *tabaŋ* 'узды', *čaplimuc* 'сандалии'. Нетрудно видеть, что состав каждой из этих групп определяется в большинстве случаев очевидными семантическими основаниями.

Падеж

Падежная система представлена элементарно, поскольку многие отношения слов в предложении передаются посредством послелогов. Противопоставляются лишь два падежа, характеризующиеся очень широкой абстрактно-грамматической семантикой, — именительный и эргативно-косвенный. Существительное в именительном падеже представлено чистой основой: *hiles* 'мальчик', 'парень', *gus* 'женщина', *hayur* 'лошадь', *den* 'год'. Функция именительного падежа — выражение: а) подлежащего непереходного глагола при всех временных формах последнего и б) прямого дополнения при переходном глаголе. Эргативно-косвенный падеж имеет специальный показатель *-e*: *hiles-e*, *hayur-e*, *den-e*. Его функции — выражение: а) подлежащего при формах прошедших времен переходного глагола (ср. *Behram-e yūljien yecimi* 'Бахрам увидел сон'), а также при формах всех времен глаголов *henas* 'знать', *senas* 'говорить' и — со значительно меньшей регулярностью — некоторых других; б) управляемого определения (ср. *Našaš-e padša* 'царь Абиссинии'); в) косвенного дополнения (ср. *hi than-e* 'в одном месте') и некоторые другие. В формах единственного числа существительных, относящихся к семантической группе II, т.е. существительных, обозначающих женщин, вместо единого эргативно-косвенного падежа имеются самостоятельный эргативный падеж с суффиксом *-e* (ср. *gus-e*) и самостоятельный кос-

венный с суффиксом *-mo// -mi* (ср. *gus -mo*)³¹. В формах множественного числа соответствующие окончания присоединяются к числовому суффиксу.

Остальные отношения между словами передаются в предложении посредством большого числа (всего около двадцати пяти) послелогов, имеющих более или менее яркую локативную семантику и следующих за формой существительного в именительном или (для имен II семантического класса) в косвенном падеже (подробнее см. стр. 90).

Таблица 3

Склонение существительных

Единственное число			
Падеж	<i>hiles</i> 'мальчик'	<i>dan</i> 'камень'	<i>gus</i> 'женщина'
Именительный	<i>hiles</i>	<i>dan</i>	<i>gus</i>
Эргативно-косвенный	<i>hiles-e</i>	<i>dan-e</i>	<i>gus-e</i>
Косвенный	-	-	<i>gus-mo</i>
Множественное число			
Именительный	<i>hileš-o</i>	<i>da</i>	
Эргативно-косвенный	<i>hileš-u-e</i>		

Притяжательность

Категория притяжательности свойственна в бурушаски далеко не всем именам существительным. Различающиеся по ней существительные семантически довольно однородны и охватывают названия реалий так называемой «органической» принадлежности:

³¹ По мнению Д. Лоримера, в бурушаски сохраняются следы особого родительного падежа с суффиксом *-o*: *xiday-o qudərat* 'сила бога' (см. Loriger, 1935, стр. 54-55).

а) названия частей тела человека и животного (*-riŋ* 'рука', *-tiriš* 'нос', *-amiš* 'палец', *-imus* 'язык', *-uŋis* 'нога', *-xigrat* 'легкие', *-yatis* 'голова', *-ltumal* 'ухо', *-liūr* 'рог', *-sumal* 'хвост', *-as* 'сердце'); б) термины родства (*-mi* 'мать', *-ūŋ* 'отец', *-api* 'дед', *-ačo* 'брат', 'сестра', *-amis* 'внук', *-askus* 'теща', *-sayun* 'племянник', 'племянница');

в) названия некоторых других реалий, тесно связанных с человеком (*-ik* 'имя', *-ulji* 'сон', *-mos* 'гнев', *-aski* 'изголовье', 'подушка', *-raiw* 'палка'). Всего в языке насчитывается более ста таких существительных³².

Имена существительные, изменяющиеся по категории притяжательности, без соответствующих префиксов не встречаются.

Совокупность притяжательных префиксов может быть представлена следующей таблицей:

Таблица 4

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е	<i>a-</i>	<i>mi-, me-</i>
2-е	<i>gu-</i>	<i>ta-</i>
3-е	I, III, IV классы: <i>i-</i> II класс: <i>tu-, to-</i>	<i>u-</i>

Соответствующая именная парадигма приобретает следующий вид:

<i>a-riŋ</i> 'моя рука'	<i>mi-api</i> 'наш дед'
<i>gu-riŋ</i> 'твоя рука'	<i>ta-api</i> 'ваш дед'
<i>i-riŋ</i> 'его рука'	<i>u-api</i> 'их дед'
<i>tu-riŋ</i> 'ее рука'	

Следует при этом учесть, что при акцентировании принадлежности эти формы употребляются не самостоятельно,

³² См. Loriger, 1935, стр. 135-137.

а только после соответствующего личного местоимения: таким образом, мы имеем, например, *ja ā-rin* 'моя рука' (букв. 'я + моя-рука'), *mi tu-lcin* 'ее глаз' (букв. 'она + ее-глаз'), ср. *imi ke tūi herutan* 'мать и сын заплакали' (букв. 'его-мать и ее-сын').

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Исследователи отмечают в бурушаски недостаточно четкое отграничение прилагательного от имени существительного как по формальным, так и по семантическим признакам. Здесь обращает на себя внимание не только легкая субстантивизация прилагательных, но и очень частая адъективизация существительных: так, например, наряду с *ṣumar-gaṇi* 'железный топор' (букв. 'железа топор') в этом же значении употребляется *ṣumar gaṇi* (букв. 'железо топор'). Показательно, что даже многие заимствованные существительные в равной степени употребительны как субстантивы, так и адъективы: например, *zbr* 'сила' и 'сильный', *ṣarum* 'стыд' и 'стыдный', *xatər* 'страх' и 'страшный' и т.п. Наравне с именами существительными прилагательные образуют здесь именную часть составного сказуемого, принимая при этом суффикс неопределенности *-an* (ср. *huk matum-an bi* 'собака — черная'). Субстантивируясь, прилагательные получают почти все аффиксы словоизменения существительных, приобретая, в частности, показатели категории определенности-неопределенности (ср. предыдущий пример, а также: *ine ṣatilo-an bat* 'он был сильный'). Исключение, естественно, составляют притяжательные префиксы, характеризующие замкнутую группу существительных.

Имеется лишь небольшое число производящих прилагательные суффиксов, отличных от суффиксов словообразования существительных (см. ниже, стр. 98). Выступая в функции адъективов, прилагательные не приобретают падеж-

ных окончаний, однако способны изменяться по числам. Форма множественного числа прилагательного, хотя и факультативна, однако достаточно часто встречается при форме множественного числа определяемого им существительного (*ṣoti-išo ṣhiṣ-ko* 'маленькие холмы', *bayərkiṣ-o hir-ik* 'дурные люди'). Подобно именам существительным, и здесь отмечается обилие суффиксов множественного числа, причем налицо тот же их набор, обуславливающий те же морфонологические чередования в исходе основы. Наиболее часто встречаются суффиксы: *-o* (*layan* 'немой' ~ *layay-o*, *ṣalīs* 'больной' ~ *ṣaliṣ-o*), *-(i)šo* (*ūyam* 'сладкий' ~ *ūyam-išo*, *akeṣ* 'странный' ~ *akeṣ-išo*), *-in* (*matum* 'черный' ~ *matum-in*, *siqam* 'зеленый' ~ *siqam-in*), *-iko* (*ṣuwan* 'подобный' ~ *ṣuway-iko*, *khūi* 'короткий' ~ *khūi-iko*), *-iin* (*ṣərīp* 'бедный' ~ *ṣərīp-iin*).

В некоторых случаях одно и то же прилагательное принимает разные показатели множественного числа в зависимости от семантического класса определяемого им существительного. Так, наряду с *ṣūt-išo* (от *ṣūt* 'тяжелый'), *rat-išo* (от *rat* 'гладкий', 'ровный') и *haṣum-išo* (от *haṣum* 'мокрый', 'сырой'), соотносящимися с существительными I-III классов, налицо и формы *ṣūt-in*, *rat-in* и *haṣum-in*, соотносимые с существительными IV класса; если *ṣaṣu-n* (от *ṣaṣu* 'хромой') соотносится с существительными I и II классов, то форма *ṣaṣu-tis* соотносится с существительными III класса.

Степени сравнения прилагательных в бурушаски, по видимому, отсутствуют. Соответствующее смысловое содержание передается описательными конструкциями. Так, содержание сравнительной степени других языков здесь передается конструкцией с послелогом аблативной семантики *-sit*, ср.: *ja haṣum ine haṣum-sit ṣua bi* 'моя лошадь лучше его' (букв. 'моя лошадь от его лошади хорошая есть'), *ūṣ-sit ṣe kat arə* 'я не меньше тебя' (букв. 'от тебя я маленький не есмь'). Содержание превосходной степени здесь передается конструкцией с количественным местоимением

уубн 'все' с тем же послелогом аблативного значения *-сит*: *уубн-сит шаа хауиг* 'самая хорошая лошадь' (букв. 'из всех хорошая лошадь'). В этой связи следует отметить существование в бурушаски особой редуцированной формы прилагательных, обозначающих интенсивность качества: ср. *тариң тариң* 'очень красивый' (от *тариң* 'красивый'), *хәри хәри* 'очень известный' (от *хәри* 'известный').

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

По своему синтаксическому употреблению числительные имеют много общего с прилагательными: они выступают в роли атрибутивов, предикативов, обстоятельственных слов и способны к субстантивации. Выделяются три разряда числительных: количественные, разделительные и порядковые. Самостоятельно употребленные количественные и порядковые числительные субстантивируются и обнаруживают сходное с другими именными частями речи словоизменение.

Количественные числительные приобретают различные формы в зависимости от соотношенности определяемых ими имен с грамматическими классами. При этом существует унифицированная форма числительных при именах I и II грамматических классов, имеются особые формы — при именах III и IV грамматических классов и, наконец, специальная форма, обычно характеризующаяся суффиксом *-i*, которая употребляется при абстрактном счете, а также в синтагме с группой имен-нумеративов или именами, особенно часто сочетающимися с числительными: *баја*, *саат* 'час', *бәбәр* 'часть', *баса* 'ночной привал', *ден* 'год', *гала* 'стадо', *гальт* 'раз', 'случай', *нал* 'ярмо (быка)', *рәм* 'община', *шау* 'удар', *хеши* 'раз', *тишчи* 'отрезок' (ср., например, *хик шау* 'один удар', *вәлти хеши* 'четыре раза', *тале денсум* 'в течение семи лет'). Обращает на себя внимание общность корня числительных *әлти* 'два', *вәлти* 'четыре', *әлтәмби* 'восемь'

и *әлтәр* 'двадцать'. Числительные второго десятка образуются сложением простых числительных по типу «десять» (в форме *турма*) + «один». Последующие числительные строятся в соответствии с вигезимальной системой счисления.

Построение дальнейших числительных: 'двести' — *әлто та*, 'четыреста' — *вәлти та*, 'пятисот' — *синди та*, 'девятьсот' — *хунти та*, 'тысяча' — *сас*, 'тысяча сто' — *турма хик та*, 'тысяча двести' — *турма әлто та*, 'две тысячи' — *әлто сас*, 'четыре тысячи' — *вәлти сас*, 'пять тысяч' — *синди сас*.

Количественные числительные находятся преимущественно в препозиции по отношению к своим определяемым. При этом определяемые ставятся без видимой закономерности то в форме множественного числа (если они вообще имеют такую): *тискен гушиҗенс* 'три женщины', *вәлто дайо* 'четыре камня', *төрүмо хакичаң* 'десять домов', то в форме единственного: *төрими ден ш* 'в десять лет', *төрими денүло* 'за десять лет'.

Разделительные числительные, выступающие в адвербиальной функции, образуются посредством редукации соответствующих количественных: *әлта әлта रुपия* 'по две рупии', *хин хин ашуме* 'разделяя по одному'.

Таблица 5

	I-II класс	III класс	IV класс	Абстрактная форма
1	<i>хин</i>	<i>хан</i>		<i>хи, хик</i>
2	<i>әлтан</i>	<i>әлта</i>	<i>әлто</i>	<i>әлти, әлто</i>
3	<i>тискен</i>	<i>уско</i>		<i>тиски</i>
4		<i>вәлто</i>		<i>вәлти, вәл</i>
5		<i>сундо</i>		<i>синди</i>
6		<i>мишиңдо</i>		<i>мишиңди, мишиң</i>
7		<i>тало</i>		<i>тале</i>
8		<i>әлтәмбо</i>		<i>әлтәмби, әлтәм</i>
9		<i>хунчо</i>		<i>хунти</i>
10		<i>төрүмо</i>		<i>төрими</i>
11	<i>турма хин</i>	<i>турма хан</i>		<i>турма хик</i>

	I-II класс	III класс	IV клас	Абстрактная форма
12	<i>turma āltan</i>	<i>turma ālta</i>	<i>turmo ālto</i>	<i>turma ālto</i>
13	<i>turma īsken</i>	<i>turma usko</i>		<i>turma īski</i>
14	<i>turma wālto</i>			<i>turma wālti</i>
15	<i>turma cundo</i>			<i>turma cindi</i>
16	<i>turma mišindo</i>			<i>turma mišindi</i>
17	<i>turma talo</i>			<i>turma tale</i>
18	<i>turma āltambo</i>			<i>turma āltambi</i>
19	<i>turma hunčo</i>			<i>turma hunti</i>
20	<i>āltaran</i>	<i>āltar</i>		<i>āltar</i>
21	<i>āltar hin</i>	<i>āltar han</i>		<i>āltar hik</i>
24	<i>āltar</i>	<i>wālto</i>		<i>āltar wālti</i>
29	<i>āltar</i>	<i>hunčo</i>		<i>āltar hunti</i>
30	<i>āltar</i>	<i>tōrumo</i>		
40	<i>āltuwāltar</i>			
50	<i>āltuwāltar tōrumo</i>			
60	<i>īski</i>	<i>āltar</i>		
70	<i>īski</i>	<i>āltar</i>	<i>tōrumo</i>	
80	<i>wālti āltaran</i>	<i>wālti āltar</i>		
90		<i>wālti āltar tōrumo</i>		
100	<i>tha</i>			

Порядковые числительные употребляются преимущественно атрибутивно, находясь в синтагме перед своим определяемым. Они образуются от абстрактной формы количественных числительных присоединением суффикса *-ulum*: *hikulum* 'первый', *ālto(u)lum* 'второй', *cindiulum* 'пятый', *toītmilum* 'десятый', *āltarulum* 'двадцатый'.

Числительные легко субстантивируются. Особенно числительное *hin* 'один'. В случаях субстантивации числительные склоняются как существительные: *hin-e* (эргат.-ковсв. падеж) *seibai* 'один говорит'.

МЕСТОИМЕНИЯ

Различные разряды местоимений в бурушаски отличаются друг от друга не столько грамматически, сколько по объединяемым ими семантическим группам слов.

Личные местоимения существуют только для 1-го и 2-го лица. В функции местоимений 3-го лица выступают указательные. Личные местоимения имеют ту же падежную и послеложную систему, что и существительные, однако без послелогов форма эргативно-косвенного и именительного падежа множественного числа совпадают. Категория класса у них отсутствует. Лицо и число выражаются лексически.

Таблица 6

Падеж	1-е лицо		2-е лицо	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
Именительный	<i>je</i>	<i>mi</i>	<i>īn, īr,</i> <i>īt</i>	<i>ta</i>
Эргативно-косвенный	<i>ja</i>	<i>mi</i> , перед послелога- ми <i>mit-</i>	<i>īre</i> , перед послелога- ми <i>īr-</i>	<i>ta</i> , перед послелога- ми <i>tat-</i>

Примеры: *je menar uḥam?* 'кому (мн.ч.) я дам это?', *gute īre kitār bila* 'это — твоя книга'; *besan ja bi ke es īre bi* 'что есть у меня, то — твое'.

Указательные местоимения, употребляемые и как личные местоимения 3-го лица (наиболее часто — местоимения, указывающие на удаленные существа и предметы), различаются по классам. Они зафиксированы в виде двух серий, из которых первая употребляется при указании на ближние существа и предметы, другая — на удаленные (не исключено, что существуют и другие серии, однако они не зафиксированы). Формальный признак местоимений первой серии — начальный

k- или *kh-* 33 для местоимений I и II классов и *g-*, *k-* или *kh-* — для III и IV классов; в местоимениях второй серии этот показатель отсутствует.

Таблица 7

Падеж	Ближняя серия			
	единственное число			
	I класс	II класс	III класс	IV класс
Именительный	<i>kīne, kīn</i>	<i>kīne, kīn</i>	} <i>guse</i>	} <i>gute</i>
Эргативно-косвенный	<i>kīne</i>	<i>kīne</i>		
Общекосвенный	-	<i>kīneto</i>	-	-
множественное число				
Именительный	<i>kūe, kū</i>	} <i>guse</i>	} <i>gike</i>	
Эргативно-косвенный	<i>kūe</i>			
Удаленная серия				
единственное число				
Именительный	<i>īne, īn</i>	<i>īne, īn</i>	} <i>īse</i>	} <i>īte</i>
Эргативно-косвенный	<i>īne</i>	<i>īne</i>		
Общекосвенный	-	<i>īneto</i>	-	-
множественное число				
Именительный	<i>ūe, ū</i>	} <i>īse</i>	} <i>īke</i>	
Эргативно-косвенный	<i>ūe</i>			

33 Д.Лоример отмечает, что фонологически здесь должно быть *kh-*, однако во всех парадигмах и примерах даются формы с *k-* (D. L. Logimer, 1935, стр. 141). Такое сходство показателя первой серии с местоименным префиксом 2-го лица *gu-*, а второй — с префиксом 3-го лица *i-* наводит на мысль

Помимо местоимений, приведенных в таблице, отмечается другой тип местоимений, употребляемых только для III и IV классов, с теми же формальными признаками серий:

Таблица 8

Класс	Падеж	Ближняя серия		Удаленная серия	
		Единственное	Множественное	Единственное	Множественное
III	Именительный	<i>kōs</i>	} <i>kōc, kuce</i>	<i>ēs</i>	} <i>ec, (ece)</i>
	Эргативно-косвенный			<i>ēse</i>	
IV	Именительный	<i>kōi, kūte, gute</i>	} <i>kōk</i>	<i>ēt</i>	} <i>ek, eke</i>
	Эргативно-косвенный	<i>kīte</i>		<i>ēte</i>	

Все указательные местоимения употребляются в самостоятельной — субстантивной функции, заменяя существительное, и в определительной функции. В самостоятельной функции они могут принимать личные и классные префиксальные показатели. Местоимения, имеющие падежное словоизменение, могут выступать в различных падежах; все местоимения могут принимать послелоги, таким образом их оформление в предложении практически не отличается от оформления существительных. Кроме того, указательные местоимения в субстантивной функции могут употребляться как определе-

о возможности существования, хотя бы в истории, серии с показателем 1-го лица *a-*, которая обозначала ближнюю ступень, тогда как серия, соотносимая с показателем *gu-*, могла обозначать исторически среднюю ступень удаленности.

ния по принадлежности, выступая в требуемом падеже (II класс – в общекосвенном, остальные – в эргативно-косвенном). Примеры: *kīn besan ayē maiimi* ‘он (букв. этот) не сможет [сделать] что-нибудь’; *kīnər talo padšahāntiḡe ər nōkəri ǝtman* ‘этому будут прислуживать срмь царей’; *kīne ik* ‘его (букв. этого) имя’; *kīnemise dūyat* ‘я схвачу ее’; *guse nusen* ‘сказав это’; *ēt etiḡ aiḡtaiya ba* ‘я не могу сделать то’, *ese uik* ‘их название’.

В этой функции указательные местоимения могут сочетаться с неопределенным артиклем, подчеркивающим здесь избирательное или эмфатическое значение местоимения (‘этот из группы подобных’, ‘именно этот, а не другой’): *hine seibai...*, *īn hīne seibai* ‘одна говорит..., тот [другой] говорит’; *kīn hīn ja ǝs bo* ‘[именно] это – моя жена’; *guse han balasane han isēr sei bi* ‘эта птица говорит той’.

Употребляясь в зависимой – определительной функции (в значении ‘этот’, ‘тот’ и т.п.), местоимение выступает всегда в форме именительного падежа, независимо от падежа и функций определяемого существительного: *ja kīne ēi* ‘этот мой сын’; *kīn jot giḡasanər ūḡe besan izzat etuma?* ‘почему ты поклоняешься этому маленькому ребенку?’; *guse han balasane han isēr sei bi* ‘эта некая птица говорит той’; *guke ǝyatīn īmo ǝsulo sei baii* ‘он сказал эти слова в своем сердце’; *ǝs kursieḡe ǝrutimi* ‘он посадил его на тот стул’.

Помимо самостоятельных личных и указательных местоимений отмечаются соответствующие им по значению проклитические или префиксальные местоимения. В 1-м и 2-м лицах множественного числа они совпадают с самостоятельными местоимениями, в остальных формах отличны от них. Категории падежа они не имеют.

Основные функции этих форм – префиксальные показатели принадлежности при именах и показатели объекта (прямого и косвенного) при глаголах. Однако отмечаются случаи их самостоятельного употребления с послелогом *-ǝr* в значе-

нии адресата действия: *ǝr (a + ǝr)* ‘мне’, *gōr(gu + ǝr)* ‘тебе’, *ǝr (i + ǝr)* ‘ему’, *mōr (mu + ǝr)* ‘ей’, *mēr (mi + ǝr)* ‘нам’, *mār (ma + ǝr)* ‘вам’, *ōr (u + ǝr)* ‘им’.

Таблица 9

Число	Лицо					
	1-е	2-е	3-е			
			Класс			
			I	II	III	IV
Единственное	<i>a-³⁴</i>	<i>gu-</i>	<i>i-</i>	<i>mu-</i>	<i>i-</i>	<i>i-</i>
Множественное	<i>mi-</i>	<i>ma-</i>	<i>u-</i>		<i>i-</i>	

Возвратно-усилительные местоимения со значением ‘я сам’, ‘ты сам’ и т.п. образуются сочетанием личных и классных префиксов (в 1-м л. ед. числа в форме *ja-*) и элемента *i* ‘сам’. Категории падежа они не имеют. Отмечаются простые и редуцированные формы этих местоимений:

Таблица 10

Лицо	Формы	Простые		Редуцированные			
		Число	Класс	единст-венное	множест-венное	единст-венное	множест-венное
		Класс	Класс	единст-венное	множест-венное	единст-венное	множест-венное
1-е				<i>ǝi</i>	<i>mǝi</i>	<i>ǝi</i>	<i>miǝi</i>
2-е				<i>gǝi</i>	<i>maǝi</i>	<i>gugǝi</i>	<i>maǝi</i>
3-е	I			<i>ǝi</i>	<i>mi</i>	<i>ǝi</i>	<i>miǝi</i>
	II			<i>mǝi, moi</i>	<i>ǝi</i>	<i>miǝi</i>	<i>miǝi</i>
	III			<i>ǝi</i>	<i>ǝi</i>	<i>ǝi</i>	<i>ǝi</i>
	IV			<i>ǝi</i>	<i>ǝi</i>	<i>ǝi</i>	<i>ǝi</i>

Местоимения этой группы употребляются как самостоятельно (*gǝi ki ǝi menər ke ū* ‘поешь-[это] сам и дай другим’; *miǝokǝne ke tesiman mǝi ki yesimo* ‘ее сестры уви-

дели его, и она сама увидела его'; *tumūi gute duro etumo* 'она сама это сделала', так и в качестве приложения к существительным и личным и указательным местоимениям (*ja jījēi akəgər yunikiš etām* 'я сам сделал себе зло'; *ūn gugūi gute duro etuma* 'ты сам это сделал'; *īne gūs tumūi* 'сама та женщина', *Paḡči īi baii* 'это есть сам Пангчу').

Возвратно-определятельные местоимения образуются сочетанием личных и классных префиксов (в 1-м лице ед. числа в формах *a-*, *ja-*) с элементом *-imo*. Категории падежа они не имеют:

Таблица 11

Лицо	Число		Единственное	Множественное
	Класс			
1-е			<i>jeimo, aimi</i>	<i>mimo</i>
2-е			<i>gūimo, guəto, goimo</i>	<i>maiimo, maimo</i>
3-е	I		<i>imo, īimo</i>	} <i>ūimo, ūyimo, ūyimo</i>
	II		<i>mūimo, mōimo</i>	
	III		<i>imo</i>	
	IV		<i>imo</i>	

Употребляются в качестве определения по принадлежности, по-видимому, при некотором подчеркивании принадлежности именно данному существу, предмету или понятию, в отличие от употребления здесь косвенного падежа личных и указательных местоимений, нейтрального стилистически: *imo wazir etimi* 'он сделал его своим собственным вазиром'; *mūimo hālār īcimo* 'она унесла его в свой дом'; *mimo miu kaš dīiḡ atēimaiyan* 'мы не сможем убить наших собственных сыновей'. При эмоциональном подчеркивании принадлежности эти местоимения могут сочетаться с личными, указательными местоимениями и с именами в косвенном падеже: *gute ha ja jeimo bila* 'этот дом — мой собственный'.

Возвратные местоимения образуются сочетанием личных и классных показателей с элементом *-kəg* (или *-kəgər*). Они имеют именную падежную и послеложную системы.

Таблица 12

Лицо	Число		Единственное	Множественное
	Класс			
1-е			<i>akəg</i>	<i>mikəg</i>
2-е			<i>gukəg</i>	<i>makəg</i>
3-е	I		<i>īkəg</i>	} <i>ūkəg</i>
	II		<i>mukəg</i>	
	III		<i>īkəg</i>	
	IV		<i>īkəg</i>	

Употребляются они при указании на обращение действия на субъект или совершение его ради субъекта: *akəgər cil gaiyat* 'я возьму воды для себя'; *ūkəre ḡiaser xurāka nikan duwašatan* 'взяв для себя еды они вышли'.

Группа определятельных местоимений не связана своим образованием с рассмотренными выше местоимениями. Сюда входят различные лексемы:

tūt (ед. и мн.ч.), *tūtan* (ед.ч.) 'другой' употребляется как самостоятельно, принимая различные падежные формы и послелоги (при этом *tūt* выступает в значении множественного числа, *tūtan* — единственного: *tūtan dīmi* 'другой [человек] пришел'; *tūtiḡ maleḡ* 'другие поля'), так и в определятельной функции, где употребляется нейтральная к числу форма *tūt*: *tūt sisan ke dīmi* 'другой человек тоже пришел'; *tūt čuren dīcu* 'принеси другой нож'; *tumīšo sis duwān* 'другие пришли'.

Сюда же относится и заимствованное местоимение *həg* 'каждый', употребляемое отдельно и в сочетании с постпозитивными артиклями: *həg hiḡ* (I и II классы), *həg han* (IV класс) 'каждый'.

Следующая группа объединяет ряд местоименных лексем, которые в зависимости от контекста выступают как неопределенные, отрицательные, вопросительные и относительные местоимения. Это довольно обширная группа. Наиболее распространенные из них:

men (нейтральная форма, употребляемая для ед. и мн. числа), *menan* (ед.ч.), *menik*, *meniko* (мн.ч.) местоимение для I и II классов выступает в значениях: 'кто-нибудь', 'кое-кто'; 'никто', 'кто?', 'какой (о человеке)'; 'тот, кто', 'тот, который'. Местоимение склоняется как имена существительные; при обозначении лиц женского пола имеет форму общекошвенного падежа *menento*; принимает те же послелогии, что и существительные. Примеры: *gan mene heibāna?* 'знает ли кто-нибудь (мн.ч.) дорогу?'; *meniksum dūmāra?* 'требовал ли ты этого от кого-нибудь (мн.ч.)?'; *gāhi menar čaya aiučam* 'я никогда никому не расскажу об этом'; *mi men xabər arān* 'никто из нас не знает' (букв. 'мы никто сведущи не есть'); *ū menan ba?* 'кто ты?'; *men hērčam?* 'кто (мн.ч.) плакал?'; *gute čaya mene gōr etān ke ūe guwātij dusa* 'тех, кто рассказал тебе это, приведи их свидетелями'; *kīne hīre hāle menan bo ke je tucičam* 'кто есть в доме того человека, я женюсь на ней'.

Группа местоимений, употребляемых для различных классов: I и II классы *amin* (мн.число *amin*, а также близкие по значению *men*, *menik*), III класс *amis* (мн.число *amic*), IV класс *amit* (мн.число *amik*) выступает в определительных значениях: 'который-нибудь', 'какой-то', 'некий'; 'никакой', 'никоторый', 'какой?', 'который?', 'который из?' (реже — 'кто?', 'что?'); 'каждый, кто'; 'тот, который', 'кто бы ни'. Все классные формы склоняются как имена существительные; форма *amin* при обозначении лиц женского пола имеет общекошвенный падеж *aminto*. Местоимения присоединяют те же послелогии, что и существительные. Примеры: *amin hirane... ōltalik uī... kaš ōti ke bādša dyūeši* 'если какой-нибудь человек убьет двух его сыновей, царь спасется'; *amin bai?* 'кто это?'; *aminar uičam?* 'кому я должен это

дать?'; *amin gus bo?* 'что это за женщина?'; *guse toremisum amis cuyas bi?* 'которая из этих десяти [лошадей] должна быть выделена?'; *amit guncər jučuma?* 'в который день ты придешь?'; *ū amin ba ke... ja gatuj ayun* 'кто бы ты ни был, дай мне мою одежду'; *hīri yā amit hālər nīmi ke ōničam* 'люди не входят в дом, в который ходил медведь'.

Местоимение, соотносимое главным образом с предметами и понятиями *bes//be* (ед. и мн.ч.), *besan* (ед.ч.), *besik* (мн.ч.), выступает в значениях 'какой-нибудь', 'что-нибудь'; 'никакой', 'ничто'; 'какой?', 'как?', 'что?'; 'все, что', 'то, что'. Имеет словоизменение и сочетаемость с предлогами такую же, как у имен существительных. Примеры: *be junikiš senimi ke* 'если он скажет что-нибудь плохое'; *jar be eča?* 'что ты сделаешь мне?'; *gōk guū be maiibān?* 'как твои дети?'; *ūje be guik bila?* 'как твое имя?'; *be hukət ar etam?* 'какой ты дал мне приказ?'; *besan ečam?* 'что я сделаю?'; *besan ečama?* 'сделаю ли я что-нибудь?'; *īner mene besan ke eučam* 'никто ничего ему не давал'; *besan ūje seiba ke je gičam* 'я дам тебе то, о чем ты говоришь'.

Лексикализованная форма эргативно-косвенного падежа *bese* наряду с чистой основой *bes* выступает в значении 'почему?'. Основа *bes* прослеживается и в сложении: *bes ke* 'ничего' (*bes ke atūasimi* 'ничего не осталось').

Отмечаются также сочетания *hər besan* 'каждый', 'всякий', 'всяческий', *besan uōn* 'все', *ti // thi men*, *ti // thi besan* 'больше', 'еще' и др.

Кроме указанных, встречаются также производные по-видимому от той же основы *bes* местоимения *beški(en)*, *bečuk(an)* и др. 'что за?', 'какой?': *Gilt beški dišan bila?* 'что за место такое — Гильгит?'; *beškien bai?* 'что он за личность?'; *beškiencik bān?* 'что они за люди?'; *bečukan bo?* 'что она за женщина?'

Количественное местоимение *bērum*, *bēruman* (ед.ч.) также употребляется в утвердительной и вопросительной

функции, обозначая, в зависимости от контекста, 'сколько-то', 'несколько' и 'сколько?'. Примеры: *bērum* // *bērumaŋ gupciŋ nīmi* 'прошло некоторое количество дней'; *bērum kisan-sit* 'через несколько дней'; *bērumaŋ pokət piyeŋ* 'взяв [с собой] нескольких слуг'; *bērum den nimi?* 'сколько лет прошло?'; *bērumaŋ maska bila?* 'сколько есть масла?'; *bērumaŋ ūrumaŋ?* 'сколько [людей] умерло?'

Кроме того, встречаются лексемы, которые также можно рассматривать как количественные местоимения.

-altalik, -altik 'оба' употребляется всегда с показателями лица и класса: *mēltalik* 'мы оба', *māltalik* 'вы оба', *ōltalik* 'они оба'. Употребляются самостоятельно и в определительной функции. Склоняются как существительные: *ōltalike sulama dunumaŋ* 'двое боролись'. В определительной функции ставятся всегда после определяемого: *ma māltalik jūin* 'вы оба идите сюда'.

-uōn 'все' также употребляется всегда с показателями лица и класса: *miuōn* 'все мы', *maiūōn* 'все вы', *uōn* 'все они'. Склоняются как существительные, употребляются самостоятельно и в определительной функции. Примеры: *lel bai miuōnəŋ* 'он известен всем нам'; *uōne... senumaŋ* 'все сказали'; *həl uōne haŋa etumaŋ* 'вся армия атаковала'.

kīrumaŋ 'некоторые', 'несколько (о людях)' также склоняется как существительные: *kīrumane... seibān* 'несколько [людей] ... говорят'.

Отмечается также небольшая группа местоимений со значением сравнения: *akurum, akurumaŋ* 'столько, сколько это'; *dakurum(aŋ)* — с тем же значением, *tērum, tērumaŋ* 'столько, как'; *tōrum, tōrumaŋ* 'столько, как то', *(d)-akīl* 'такой, как', *akīl'juko, akul'juko* 'такой, как этот' и др. Примеры: *akurum tanimi* 'получилось именно столько [сколько есть]'; *ye akurumsit čaŋa arači ari* 'теперь мне нечего сказать, кроме того, что сказано'; *akurumaŋ čaŋa bilum* 'столько и было разговору'; *čaŋa dakūrum bila* 'вот и весь

разговор', *akul'juko kie giyaŋc bān* 'люди такие как эти — воры'.

В качестве местоимения употребляется сочетание *hin hin* > *hinīn* 'друг друга'; *hinīne ēyerumišo bat* '[они] были верны друг другу'.

ГЛАГОЛ

Основные категории

В глаголе отмечаются следующие грамматические категории, выраженные различными формообразующими средствами: лицо, число и класс субъекта и объекта, время, различные видовые оттенки и значения (длительность-краткость, однократность-многократность, завершенность-незавершенность и т.п.), наклонение и залог.

Состав глагольных форм

Финитные глагольные формы в бурушаски по характеру образования делятся на простые и сложные (аналитические). В простых (формы будущего, прошедшего времени и повелительного наклонения) лицо, класс и число выражаются суффиксально, в аналитических (все остальные финитные формы) — вспомогательным глаголом *b-* 'быть', следующим за основной смысловой частью. В качестве последней выступают основы глагола (с расширением или без него). При этом в результате стяжений и выпадения начального согласного вспомогательного глагола *b-* при слитном произнесении аналитических форм они также имеют тенденцию к превращению во вторичные простые, поэтому данное противопоставление является для бурушаски несущественным.

Общий инвентарь компонентов финитных форм сводится к следующему: а) основы глагола, б) префиксальные, суффиксальные и — реже — инфиксальные личные и классные показатели, в) вспомогательный глагол *b-* 'быть', г) префиксы отрицания.

Нефинитные формы являются только простыми. Их основной состав: основы, формообразующие аффиксы, аффиксальные личные и классные показатели, а также префикс отрицания.

Все глаголы, кроме глагола *b-* 'быть', имеют две основы – прошедшего и настоящего времени. Основой прошедшего времени служит собственно корень глагола. Основа настоящего времени образуется от основы прошедшего времени прибавлением показателя *-č* с фонетическими разновидностями *-Vč*, *-j*, *-š*, *-y*. Показатель *-č* присоединяется к исходу основы прошедшего времени на гласные и на *-r*: *niyas* 'идти' – основа прош.вр. *ni-*, основа наст.вр. *nič-*; *diēyas* 'вставать' – основа прош.вр. *diē-*, основа наст.вр. *diēč-*; *sūyas* 'приносить' – основа прош.вр. *sū-*, основа наст.вр. *sūč-*; *gucəras* 'приступать' – основа прош.вр. *gucər-*, основа наст.вр. *gucərc-*. После исходного согласного *-l* *-č* показателя иногда озвончается: *belas* 'надевать' – основа прош.вр. *bel-*, основа наст.вр. *belj-*. Как правило же, после согласных показатель *-č* приобретает протетический гласный, сходный обычно с гласным корня: *balās* 'падать' – основа прош.вр. *bal-*, основа наст.вр. *balič-*; *γulās* 'гореть' – основа прош.вр. *γul-*, основа наст.вр. *γuluč-*; *sōkas* 'спускаться' – основа прош.вр. *sōk-*, основа наст.вр. *sōkič-*. В ряде основ исходные согласные корня *t*, *k*, *s* при образовании основы настоящего времени переходят в *č* или *š*: *-sərkas* 'разрешать' – основа прош.вр. *-sərk-*, основа наст.вр. *-sərcš-*, *giratas* 'танцевать' – основа прош.вр. *girat-*, основа наст.вр. *giraš-*; *etas* 'делать' – основа прош.вр. *et-*, основа наст.вр. *eč-*; *ōsas* 'класть' – основа прош.вр. *ōs-*, основа наст.вр. *ōš-*; *dəyasas* 'смеяться' – основа прош.вр. *d-ayas-*, основа наст.вр. *d-ayaš-* (но *γasās* 'смеяться' – основа прош.вр. *γas-*, основа наст.вр. *γasič-*). Исходный основы *-n* переходит в *-y* или *-iy*: *manās* 'становиться' – основа прош.вр. *man-*, основа наст.вр. *ma(i)y-*; *minās* 'пить' – основа прош.вр. *min-*, основа наст.вр. *mi(y)-*.

От основы прошедшего времени образуются финитные формы прошедшего времени, перфекта и преждепрошедшего времени изъявительного наклонения, формы повелительного наклонения и нефинитные формы инфинитива, причастия прошедшего времени и герундия. От основы настоящего времени образуются финитные формы будущего, настоящего и прошедшего длительного времен изъявительного наклонения, формы сослагательного наклонения и нефинитная форма причастия настоящего времени.

Суффиксальные показатели указывают на лицо, число, а для 3-го лица – и на класс субъекта действия. Они одинаковы, независимо от времени и переходности или непереходности глагола. Как правило, гласные этих показателей в значительной мере видоизменяются в зависимости от исхода основы, поэтому наблюдаются варианты. Основные типы:

Таблица 13

Лицо	Число		Единственное	Множественное
	Класс			
1-е			- a	} -an, -en
2-е			-a, -o	
3-е		I	-i	} -ie/an, -ie/a -i
		II	-u, -o	
		III	-i	
		IV	-i, -ila	

Примечание. Показатель *-ila* прослеживается в основном в глаголе *b-* 'быть'; вариант *-en*, возможно, является фонетическим вариантом фонологического *-/an/* после исхода основы на гласные переднего ряда или согласные с палатальной артикуляцией. То же относится и к *-e* в показателе 3-го лица III класса множественного числа. Таким образом, во множественном числе лицо не различается.

Препозитивные показатели указывают на лицо, число и — для 3-го лица — на класс прямого или косвенного объекта действия (от переходных глаголов) или субъекта (для непереходных глаголов, где они дублируют функции суффиксов и инфиксов, и потому употребляются значительно реже, чем у переходных). Форма показателей практически та же, что и в примененном их использовании:

Таблица 14

Лицо	Число		Единственное	Множественное
	Класс			
1-е			<i>a-</i>	<i>mi-</i>
2-е			<i>gu-</i>	<i>ma-</i>
3-е	I		<i>i-</i>	} <i>u-</i> <i>i-</i>
	II		<i>mi-</i>	
	III		<i>i-</i>	
	IV		<i>i-</i>	

Наиболее часто употребительны префиксальные показатели, соотносимые с именами классов людей. Префиксы, соотносимые с именами III класса, выражающими неодушевленные предметы, употребляются реже, а с именами IV класса употребительны в основном только при глаголах с основообразующими префиксами *-a-*, *-as-*, *d-a-*, *d-as-*.

При присоединении префиксальных показателей к основам, начинающимся с гласных, происходят различного типа стяжения гласных. Примеры: префиксальный показатель соотносится с субъектом: *ērca ba* ($\bar{e} < a + i$) 'я умираю', *guirčuma* 'ты умрешь', *īrimi* ($\bar{i} < i + i$) 'он умер', *uīrtan* 'они умерли'; с прямым объектом: *gudelan* 'я бил тебя', *mudelimi* 'он бил ее', *guyecan* 'я видел тебя', *muycutan* 'они увидели ее', *mēsqaimi* ($\bar{e} < i + a$) 'он убьет нас'; с косвенным объектом: *cil muči* 'дай ей воды'; *asuin* ($a < a + a$) 'скажите мне',

ēsimo ($\bar{e} < i + a$) 'она сказала ему'; *mōsimi* ($\bar{o} < u + a$) 'он сказал ей', *gōša ba* ($\bar{o} < u + a$) 'я говорю тебе' и т.п.

Некоторые глаголы могут употребляться как с префиксальными показателями, так и без них, например: от глагола *tanās* 'становиться' встречаются параллельные формы: *tanāt* и *atanat* 'я стал', *tanīta* и *gitanita* 'ты стал' и т.п. Переходные и каузативные глаголы употребляются, как правило, с показателями.

Глаголы с началом основы на *-a-*, *-as-*, *d-a-*, *d-as-* и *-it-* без префиксов вообще не употребительны. Эти глаголы проносят префиксальные показатели через всю глагольную парадигму. Так, например, в зависимости от показателя инфинитив глагола *-atas* 'делать' имеет формы: *atas*, *gotas*, *etas*, *motas*, *metas*, *matas*, *otas*, и все глагольные формы, финитные и нефинитные, сохраняют эти показатели.

Глаголы с основообразующим превербом *d-* присоединяют префиксальные показатели после *d-* перед основой. Если показатели начинаются с согласного, между *d-* и согласным вставляется протетический гласный, а согласный *g-* оглушается, например, *d-cas* 'приносить' имеет формы инфинитива в зависимости от показателей косвенного объекта со значением адресата: *dacas* 'приносить мне', *dukūcas* 'приносить тебе', *dī/icas* 'приносить ему', *dumūcas* 'приносить ей', *dimīcas* 'приносить нам', *damācas* 'приносить вам', *dūcas* 'приносить им' и т.д.

При присоединении показателей к причастию прошедшего времени они ставятся между показателем причастия *n-* и основой, при этом вставной гласный после *n* соответствует гласному показателя: *nadilin* 'ударив меня', *nukūdilin* 'ударив тебя', *nīdil*, *nīdilin* 'ударив его (одуш. и неодуш.)', *numūdilin* 'ударив ее', *nimīdilin* 'ударив нас', *namādilin* 'ударив вас', *nūdilin* 'ударив их'.

В глаголах, основа которых начинается на *n-* и которые не принимают причастного показателя *n-*, показатели

лица и класса могут ставиться после начального *л*- основы: *лāп* 'я шедший', *лукōп* 'ты шедший' и т.п. (см. парадигмы).

Ряд глаголов имеет также инфиксы класса, в качестве которых выступает та или иная огласовка корня (обычно различается первый гласный основы), например, глагол *ṣiyas* 'есть', 'кушать' имеет огласовки: *ṣiyas* — при объекте III класса, реже IV, единственного числа; *ṣyas* — при объекте I и II классов единственного и множественного числа и III класса множественного числа; *ṣeas* — при объекте IV класса единственного и множественного числа. Примеры: *ṣar ḍṣi* 'не ешь мяса'; *beraṣan ṣi bi* 'он съел яка'. При объекте I и II, реже III, классов инфиксация сопровождается префиксацией показателя класса, лица и числа: *guṣūṣat* 'я съем тебя', *aṣūṣita* 'ты съешь меня', *ṭne iṣūṣo bot* 'она ела его', *būt sis uṣūto* 'она съела много людей'; ср. также формы: *guyas* (объект I, II, III классов мн. числа), *gyas* (остальные формы) 'бросить вниз'.

В ряде глаголов соотносимость с классом объекта (переходных глаголов) или субъекта (непереходных глаголов) выявляется из других типов инфиксации и начального согласного основы:

I, II и III классы

d-cas
yanas
yatamuras

yūrginas
yōlas
yāltas
waṣias
wālas
walas

IV класс

dusūyas 'приносить'
ganas 'брать'
gatamuras 'месить', 'разминать'

gurginas 'растирать'
belas 'надевать'
bāltas 'мыть'
biṣaiyas 'бросать'
balūyas 'потеряться'
balās 'падать'

При выражении глаголами возвратного действия, префиксальный показатель употребляется всегда в форме 3-го лица единственного числа, независимо от лица и числа глагола: *akar idelja ba* 'я бью себя' (букв. 'я-себя его-бью есмь'); *mikar esqaien* 'мы убьем себя' (букв. 'мы-себя его-убьем').

Вспомогательный глагол *b-* 'быть' употребляется при образовании аналитических форм — перфекта, преждепроедшего времени, настоящего времени, прошедшего длительного времени и форм сослагательного наклонения. Сам глагол имеет спрягаемые формы только изъявительного наклонения настоящего и прошедшего времени.

Отрицательные формы глаголов образуются присоединением префиксов отрицания *a-*, реже *o-* и *ḍ-*, к основам глаголов. Наиболее универсален префикс *a-*. В аналитических формах префикс отрицания присоединяется к первой — нефинитной форме. При присоединении префикса к основе, начинающейся с звонких согласных, последние оглушаются: *arān* 'они не суть', *araiyat* 'я не был' (от глагола *b-* 'быть'); *aiṣa ba* 'я не принес его' (ср. *dīca ba* 'я принес его'). При присоединении префикса *a-* к глаголам, основа которых начинается с гласного, происходят различные фонетические изменения и стяжения: $a + a > aya-$, $aiya-$; $a + e > aye$, $aiye$; $a + i > e$; $a + o > ayo-$, $aiyo-$; $a + u > o$ (реже $au-$). Примеры: *stiṣ ayātaiyat (a + a)* 'я не смогу это сделать', *ayēti, aiyeti (a + e)* 'не делай этого', *ayārin* 'не посылай меня', *aiyēsqana ba (a + e)* 'я не убивал его', *ḍdelin (a + i)* 'не бей его', *ḍūṣa ba (a + i + ūṣa от -uyas)* 'я не давал [это] ему', *ḍḍimi (a + uṣimi от -ṣias)* 'он не дал [это] им'.

Показатели отрицания *o-*, *ḍ-* всегда находятся под ударением. Употребляются при очень небольшой группе глаголов, например, *manās* 'стать', 'быть', *minās* 'пить', *surmanas* 'начинать', *niyas* 'идти', *senas* 'говорить', 'называть',

šeyas 'есть': *ōmai bo* 'она не есть', *ōmin* 'не пей', *ōminum* 'не попив', *ōni* 'не ходи', *ōnišam* 'я не пойду'.

* * *

В бурушаски нет строгой границы между финитными и нефинитными формами глагола: с одной стороны, повелительное наклонение имеет только одну личную форму 2-го лица, с другой стороны, обе формы герундия могут употребляться в определенных условиях в функции финитной формы, изменяясь по классам (при пожеланиях), но оставаться во всех остальных случаях формой нефинитной. Поэтому термины «финитные» и «нефинитные» для некоторых форм условны.

Нефинитные формы

Инфинитив образуется от основы прошедшего времени прибавлением показателей *-as* или *-ās*. Если основа прошедшего времени оканчивается на гласный, между ним и показателем инфинитива вставляется для уничтожения зияния *-(i)u*: *bišaiyas* 'бросать' (основа прош.вр. *biša-*), *niyas* 'идти' (основа прош.вр. *ni-*); *šūyas* 'приходить' (основа прош.вр. *šū-*); *minās* 'пить' (основа прош.вр. *min-*) и т.д. Лицо, число и класс объекта действия выражается префиксальными личными и классными показателями. Форма инфинитива употребляется в основном в двух функциях:

1. В функции имени действия, приобретая именное оформление — числовое, падежное и послеложное: *gute senas phūt dēyelimī* 'див услышал этот разговор' (букв. 'говорение'), *hərip gilataše ičər* 'шум музыки и танцев' (букв. 'танцевания'); *šiasər mene besan ēuščam* 'никто не давал ему ничего поесть'; *šil manāscum būr manāscər* 'от восхода до заката'. Так же (косвенным падежом и послелогам) оформляется инфинитив в оборотах со значением цели или начала действия: *šurieš etasce dūnuman* 'они начали веселиться'; *hərt*

manimi nias-gane 'он встал, чтобы выйти'. Выступая в функции определения в ряде устойчивых сочетаний, инфинитив употребляется в именительном падеже: *minās cil* 'вода для питья' (т.е. 'питьевая вода'), *ēsquulas jašil* 'дрова' (букв. 'дерево для горения'); *gušras gunc* 'день твоей смерти'. В той же форме выступает инфинитив в безличных оборотах: *ye īse baše juas bilum* 'пройти [можно] было через тот мост'.

2. От глагола *senas* 'говорить', 'называть' инфинитив имеет значение пассивного причастия 'называемый', т.е. «по имени» (ср. аналогичное значение причастия прошедшего времени этого глагола): *hin Siŋ senas hiran bam* 'был некий человек по имени Синг'; а также значение 'сказанное': *gute ja senus bər padšār ēsuin* 'скажи [эту вещь], сказанную мною царю'. В той же форме может употребляться глагол *-atas* 'делать', когда он выступает в значении 'говорить', и отдельные другие глаголы: *īke xūkišūe šēyas watēycum ti* 'кроме очистков, которые едят (ели) свиньи'.

Имя деятеля в единственном числе совпадает с формой инфинитива, во множественном имеет показатель *-šo*: *etas* 'деятель' — *etašo* 'деятели'. Образуется оно практически от любого глагола: *hikum duwalašo jānwārik umanimie* 'они превратились в стаю летающих животных'; *menan baii matanum asalas īne?* 'кто тот, смотрящий на меня издали?'; *mi mu-šaias padša cōrdine īrčaii* 'царь, заботящийся о нас, умрет завтра'; *juas baii ke qau ne dico* 'если он придет (букв. пришелец), позови и приведи его'.

Герундий I

Формы герундия I образуются от основы прошедшего времени прибавлением суффиксального показателя *-m* после гласного исхода основы и *-Vm* после согласного. При этом наиболее обычная огласовка показателя *u*. При использовании герундия I в функции активного причастия при соотнесе-

ности с субъектом действия 1-го лица единственного и множественного числа, по мнению Д. Лоримера, в качестве огласовки показателя выступает *a*, однако, возможно, здесь имеет место смешение формы герундия I с формой 1-го лица прошедшего времени, сходной по звучанию. От глаголов, инфинитив которых имеет показатель *ās*, гласный суффикса в ряде случаев отмечается как долгий, однако строгой закономерности здесь нет. Примеры: *diēyas* 'вставать' — *diet*, *diam*; *niyas* 'идти' — *nīm*; *wašias* 'бросать' — *wašim*; но *tanās* 'становиться' — *tanū/um*. Показатель множественного числа *išo*: *etum* 'делавший' — *etumišo*.

Функции герундия I весьма разнообразны.

1. Герундий I употребляется в качестве активного причастия от непереходных и от переходных глаголов: *šarik discut gušijanc o sal'jaii* 'он видит женщина, приносящих хлеб'; *bičār girkis walum juan* 'как крыса, попавшая в западню'; *dyuasuman šarik* 'остающийся (или оставшийся) хлеб'. В этой функции может субстантивироваться, принимая именное оформление: *je uštume hālør aiyārin* 'не посылай меня в дом умершего'; *dyūasuman ūḡar bərkat*, *šiaman — šār bərkat* 'оставшееся — твоя порция, съеденное мной — моя порция'.

В сочетании с глаголом *b-* 'быть' герундий I образует аналитические сочетания типа перфекта и преждепрошедшего времени, в зависимости от формы глагола *b-*, т.е. обозначает действие, закончившееся к какому-то моменту в прошлом, результат которого наличествует в прошлом или настоящем: *ja kīne ēi īrum bam* 'этот мой сын умер (раньше)'; *čama Kisore dukāneḡe dimanum bīm*, *but šua bīm* 'брошь появилась (раньше) в лавке Кисыра. Она была очень красивой'. Герундий I от глаголов состояния с глаголом *b-* указывает на состояние в прошлом или настоящем, явившееся результатом действия, происшедшего ранее: *hurūtum baii* 'он сидит' (букв. 'сезший есть'); *daldiet bam* 'он стоял' (букв. 'вставший был').

2. Герундий I употребляется в качестве пассивного причастия (только от переходных глаголов): *īne hīre yār esum īte bər* 'вещь, сказанная человеком медведю'; *Dū Saffde eyunum ūe biške* 'волос, данный ему Белым Дивом'. Как и при употреблении в активном значении, может субстантивироваться, принимая именное оформление: *īne girminumər bərēnimi* 'он посмотрел на написанное'; *gūi ačim jeniš ke tīji cu* 'ты сам также забираешь золото, данное мне [тобой]'. В сочетании с глаголом *b-* 'быть' образует обороты со значением пассивности: *qulpce čēi wašim bīm* 'к замку ключ был приложен'; *hər gunc akīl dūro etum bila* 'каждый день делается такая работа'; *tamīnimo deni gute dūro etum bilum* 'это было сделано в прошлом году'.

3. Герундий I употребляется в функции деепричастий: *Pūnie mel dminum ... dīmi* 'Пуно не попив вина ... пришел'; *īn yār nupəran ūyakal phūt ayetum čur ne guscəgaii* 'глядя прямо вперед, не взглянув (или не глядя) на них, он шел молча'; *Alqaš Wazīraḡum tilieḡ dāl ayētum tei fat etuman* 'не сняв седла с Алькаш-Вазира, они именно так (т.е. с седлом на спине) и пустили его'. Обычно в этом плане он имеет активное значение.

Как видно из примеров на употребление герундия I в указанных трех функциях, видо-временная соотносительность этой формы варьирует в зависимости от значения и контекста: герундий может выражать: 1) действие в прошлом, завершённое к моменту, оговоренному в контексте; 2) действие в прошлом, синхронное с другим действием в прошлом же; 3) длительное действие, временная соотносительность которого целиком зависит от контекста.

4. Герундий I часто употребляется в значении имени действия, принимая при этом именное оформление, но сохраняя возможность управлять относящимися к нему членами сочетания: *ašdər dēlume čaya* 'рассказ об убийстве дракона'; *abaš ayaḡa dīmər ūrcum maddat dūmərčam* 'когда мне станет

трудно (букв. в приходе трудности мне), я буду искать от тебя помощи»; *pādša deye/alimər je ke ūj meltalik mēsqaimi* 'если царь услышит об этом (букв. в слышании этого царем), он обречет меня и тебя на смерть'; *xurc lāj tapitcun Lapa Brōto ke tūtie yasitan* 'когда облако пыли отодвинулось (букв. после отодвижения), Лана Бром и ее мать увидели его').

5. Герундий I употребляется в функции желательной формы в оборотах пожеланий, проклятий, клятв и т.п. Лицо, число и класс выражаются префиксально. Часто в этой функции герундий I употребляется параллельно с формой герундия II: *gacirišo gušūm // gušūš* или *gušūšep* 'да съедят тебя грифы'; *gušak galum // galš* 'да сломается твоя рука'; *le āu, guyačum qurbān amanit // amanša* 'о отец, да стану я жертвой за тебя'.

Герундий II

Форма герундия II образуется от основы прошедшего времени посредством суффиксального показателя -š (после гласного, l и иногда других плавных), -Vš (после согласного). Глаголы с исходом основы на -n имеют показатель герундия II -č: *niyas* 'идти' — *niš*, *-atas* 'делать' — *-atiš*, *senas* 'говорить' — *senč*.

Класс соотносимого субъекта или объекта может выражаться инфиксацией гласного перед -š (см. парадигму глагола *b-* 'быть') и префиксально.

Основные значения герундия II следующие: 1) в свободном контексте употребляется для выражения пожелания, приказанья. Особенно часто такое употребление отмечается в различных формулах клятвы, проклятий, благодарности и т.п. Примеры: *cōrdine uoṇ gati manišan* 'завтра пусть соберутся все'; *juš* 'пусть она войдет'; *wa gāu ušūšan!* 'да съедят их вороны', *jakun amanša* 'да стану я ослом'; *gūito watanər xišīe ka niyas gumānš!* 'да поедешь ты счастливо на твою родину!'.

2) В определенных контекстах он может иметь другие значения:

а) в сочетании с послелогом *x* указывает на протяженность действия во времени (обороты со значением «пока...», «до тех пор, пока...», «пока не...» и т.п.): *īn ačūš x gučato* 'пока он вернулся, она родила'; *philta taš xa axonā yatai bei* 'ахунд читает, пока лампа не гаснет';

б) в оборотах со значением возможности, разрешения и т.п. употребляется как имя действия: *duwalš amotanito* 'она не могла летать'; *etiš gomaii ba?* 'ты можешь это делать?'; *īn niš eti* 'дай ему уйти'; *mi hōle dūsiš ametuma* 'ты не дал нам выйти'.

Причастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего времени тремя основными способами:

1. К основе прошедшего времени присоединяются префикс *n-* (с вставным гласным) и суффикс *-T/n* (после согласных), *-n* (после гласных), иногда также *-nīn*.

2. К основе прошедшего времени присоединяется только префикс *n-*. Личные и классные показатели в этих двух типах причастий ставятся между префиксом *n-* и основой. При этом если *n-* присоединяется непосредственно к основе, начальный звонкий согласный основы оглушается: *gārcas* 'бежать' — *nukārc(in)* 'побежав(ший)'. Однако если между основой и *n-* стоят личные и классные показатели, оглушения не происходит, но оглушается согласный *g-* показателя: *nukūicin* 'увидев тебя'.

Обычная огласовка префикса при отсутствии личных и классных показателей *ni-*, перед глаголами с начальным гласным основы *i-* — *ni-*; ср. *nukārc(in)* 'побежав(ший)' от *gārcas* 'бежать', но *nišnin*, *nišin* 'поев' от *šias* 'есть'. При наличии личных и классных показателей они определяют огласовку префикса: *-ēcas* 'видеть' — формы причастия: *naiēcīn* 'увидев(ший) меня', *nukūicin* 'увидев(ший) тебя', *nīicin* 'увидев(ший) его', *nūicin* 'увидев(ший) их', *-aurūtas* 'усаживать'—

nukōrut(in) 'усадив(ший) тебя', *nōrutin* 'усадив(ший) их'. Некоторые глаголы с начальным *h-* утрачивают его после *n-*: *hurūtas* 'сесть' – *nūrut(in)* 'усевшись'.

3. К основе прошедшего времени прибавляются те же суффиксы *-ī/in*, *-n*, *-nin*, но без префикса. Этот способ образования причастий прошедшего времени характерен для глаголов с превербом *d-*, которые вообще не принимают причастных префиксов: *dicas* 'принести' (объект III к) – *dicun*, *dūnas* 'схватить' – *dūnun*, *d-ayelas* 'слышать' – *dēyelin*.

Кроме того глаголы, образующие причастия по третьему способу, т.е. не принимающие префикса, могут употребляться в функциях причастий прошедшего времени в виде чистой основы прошедшего времени, оформленной лишь личными и классными показателями: *dūsas* 'выходить' – *dūs*, *diūsas* 'вынимать' – *diūs*. В ряде случаев отмечаются обе эти разновидности от одного глагола: *dūnas* 'схватить' – *dūnun* // *dūn*, *dūsas* 'выходить' – *dūsin* // *dūs*, *diūsas* 'вынимать' – *diūsin* // *diūs*.

Причастие прошедшего времени употребляется как правило в активном значении, независимо от переходности и непереходности глагола (примеры см. выше), однако в отдельных случаях отмечается и его пассивная семантика (см. ниже).

В основном оно употребляется в деепричастной функции, обозначая при этом действие в прошлом, завершённое к моменту основного действия предложения. В зависимости от контекста может означать действие длительное и краткое, однократное и многократное. Поскольку в бурушаски финитную форму имеет только последний глагол предложения, а все предыдущие выражаются причастиями, причастие прошедшего времени встречается довольно часто и употребляется в функции «зависимых сказуемых» предложения, управляющих относящимися к нему членами предложения. Примеры: *da ti thamo brāci mel numīn neršan jučam* 'тогда он сам приходил к правителям, напившись вина и опьянев'; *sandūqsum*

yaibi gatun diūsin nupel tešetər dūsumo. dūsin šatiṣ kao ne senumo... 'достав из сундука волшебные одежды и надев их, она вышла на крышу. Зайдя она громко воскликнула так...' (букв. 'громким кличем так сказала').

Причастие прошедшего времени от глагола *senas* 'говорить', 'называть' употребляется в активном значении при введении им прямой речи в предложение (см. разд. «Синтаксис») и в пассивном – в оборотах со значением «по имени такой-то», которые строятся по типу: «такой-то называемый»: *thaman ša Raīs nuse bam* 'был некий правитель по имени (букв. называемый) Ша Раис'.

При редупликации причастие прошедшего времени указывает обычно на подчеркнуто длительное или многократное действие с той же временной соотнесенностью, что и в других случаях: *šaya netan-netan wazire senimi* 'разговаривая-разговаривая (букв. разговор делав-делав) вазир сказал'; *haṣur nukicər - nukicər ... matan tēūmi* 'лошадь скача-скача унесла его далеко'.

Причастное употребление этой формы встречается довольно редко. В основном оно налицо в устойчивых оборотах с вспомогательным глаголом.

Употребляясь с глаголом *b-* 'быть' в форме прошедшего времени, причастие прошедшего времени образует аналитическое сочетание, имеющее значение прошедшего длительного действия. Условно это сочетание можно считать вторичной аналитической формой прошедшего длительного и преждепрошедшего времен. Примеры: *irānō bādšā ... iltumal ne bam* 'царь Ирана слушал'; *ōltalik nurūt bam.tērumaṇər Baltitcum ... han būān dīmi* 'двое сидели [вместе] (т.е. уже уселись), когда какая-то корова пришла [вниз] из Балтит'.

Причастие настоящего времени образуется от основы настоящего времени прибавлением суффикса *-me* (после гласного исхода основы), *-ume* (после согласного): *minās* 'пить', основа наст.вр. *mi-*, причастие *mīme*, *-atas* 'делать'

— основа наст.вр. *eđ-*, причастие *eđume*. Употребляется как деепричастие настоящего времени, обозначающее длительное незавершенное действие, сопровождающее главное действие предложения: *ho hēřume nīmo* ‘так пошла она плача’. Иногда указывает на способ совершения другого действия: *yūy gāršume nīnin jot īi ēřulo wařřaii* ‘его отец победив (букв. бегом пошедши), обнимает своего младшего сына’. Может редуплицироваться для указания на длительность действия: *barēime barēime ēr tap manimi* ‘ожидая — ожидая (т.е. пока он ожидал), наступила для него ночь’.

Отмечаются случаи употребления формы причастия настоящего времени с послелогом *-aē*, где причастие приобретает значение имени действия: *eđumaē // esume īrimi* ‘он умер во [время] делания этого // делая это’.

Основа настоящего времени часто употребляется самостоятельно с послелогам, наиболее обычно — с послелогом *-ar* в оборотах со значением цели, начала действия, предостережения и т.п. (иногда параллельно с инфинитивом): *ūe nīman īner bārēyar // bārēnasar* ‘они пошли посмотреть его’; *mīar cil* ‘вода для питья’; *besan řiřar rai bila?* ‘хочешь ли ты поесть чего-нибудь’; *cil mīar duyūuskinimi* ‘он начал пить воду’; *yār ne bārēyar řař ēi* ‘остерегайся смотреть вниз’; *ērā řiřar nīřar ar umaii bat* ‘они боялись идти к нему’.

Финитные формы

В бурушаски можно выделить три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное.

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение включает шесть форм. Все они образуются при помощи одной и той же системы личных суффиксальных показателей, лишь несколько варьирующей от формы к форме. Формы образуются от двух временных основ — настоящего и будущего времени: от основы настоящего —

формы будущего, настоящего и прошедшего длительного времен, от основы прошедшего — формы простого прошедшего (претерита), перфекта и преждепрошедшего времен. Оформление этих форм строго симметрично: формы будущего и прошедшего времен образуются от основы соответствующего времени в виде форм двух серий: краткой — без показателя *-m* и полной — с показателем *-m* (исторически — причастного характера). В форме прошедшего времени серия с *-m* более употребительна. Лицо, число и класс выражаются префиксальными и суффиксальными показателями. Формы настоящего времени и перфекта образуются при помощи вспомогательного глагола *b-* ‘быть’ в форме настоящего времени; формы прошедшего длительного (имперфекта) и преждепрошедшего — при помощи того же глагола в форме прошедшего времени. При этом в спряжении глаголов, основа которых оканчивается на согласный, начальный *b-* вспомогательного глагола исчезает, и аналитическая форма практически стягивается в простую: ср. *eđaii* ‘он делает’, но *mī baii* ‘он пьет’. В этих же основах выявляется гласный классного или личного показателя — перед *-m* в формах будущего и прошедшего и перед *b-* в остальных формах. В основах на гласные происходят стяжения с гласными основы, ср. *etimi* ‘он сделал’, *etumo* ‘она сделала’, но *nīmi* ‘он ушел’ — *nīmo* ‘она ушла’, *řēmi* ‘он съел’ — *řēmo* ‘она съела’. Парадигмы см. ниже (стр. 79-88).

Форма будущего времени выступает в значениях:

1) действия в будущем, независимо от модальности контекста; при нейтральной модальности: *řeniřan giřibat* ‘я дам тебе немного золота’; при выражении неуверенности, возможности совершения действия: *akīl yařki atawasa ba ke da ře ūre gūi ba seyam* ‘я не остался достойным того, чтобы я мог говорить «Я емь твой сын»’; приглашения к действию: *ho niřin řurear eđan* ‘давайте поедим и будем веселиться’ (букв. ‘давайте поев веселье сделаем’);

2) действия в главном предложении, в результате которого уясняется предшествующая или одновременная ему ситуация, выраженная в придаточном: *ničuman ke ine gus nikū-žen* ' [когда] они пошли туда, [оказалось, что] его жена уже родила' (букв. 'родивши'); *ūsdžar bargīman ke khan ne bica* ' [когда] они посмотрели на следы [оказалось, что] они вели (букв. суть) вниз'; *yā tltūmal eči ke hīre ajab čayan ečaii* 'медведь послушал (букв. сделал ухо): [оказывается] занятые истории говорит человек'.

Форма настоящего времени употребляется в значениях:

1) действия настоящего момента: *bes gārša?* 'почему ты убегаешь?'; *je čamine ēirča ba* 'я умираю от голода';

2) обычно совершающегося действия: *yarum zamānulo čipūrsan būt abād bilum seibān* 'они (люди) говорят, что в прежние времена Чупурсан был благоустроенным'; *akūrum dēniḡulo je ūje xidmat eča ba* 'столько лет я тебе служу';

3) *praesans historicum*: *hikulto tmie seibo* 'однажды его мать сказала' (букв. 'говорит'); *Alqašar salām ečaii* 'он приветствовал (букв. приветствует) Алькаша';

4) будущего категорического: *ite dišulo Alqaš Wazir ēsqaii ba* 'на этом месте я убью Алькаша Вазира'; *han gunpanulo jar dərəkār bān* 'однажды (букв. в некий день) вы будете мне нужны'.

Прошедшее длительное время употребляется в значениях действия в прошлом:

1) длительного и незавершенного: *hi thānar nīči bīm, hin jat gūsan tumik tapūto* 'он (медведь) шел по одному месту, встретила ему старая женщина';

2) многократного: *gunc dərūar ničam* 'он ходил на охоту днем';

3) обычно: *ūer Baxti Kutōr seibam* 'их называли племенем Бахти'; *thamo aram kue bar gati ne ūi hōraḡ traḡ ne šēčam* 'правителей не было, эти [люди] собрав налог и разделив его между собой (букв. между ними), забирали его себе' (букв. 'съедали');

4) тех же значений с модальной окраской: *phercin yači etimi ke mene ke ēišam* 'когда он надевал шапку, никто не мог его увидеть'; *je be āmaiya baiyam?* 'что я должен был смочь?'

Прошедшее время употребляется в значении действия в прошлом, нейтрального в видовом плане. Наиболее характерны следующие случаи употребления при указании на:

1) однократное действие в прошлом (употребляется в рассказах, сказках и т.п.): *badša haḡurcum sōkimi, dusōk tse haḡurete bismilā ne huljami* 'царь слез с лошади. Слезши [он сказал] «бисмилла» и оседлал ту (другую) лошадь';

2) завершенное действие в прошлом с результатом в настоящем или прошлом (здесь эта форма может употребляться параллельно с формами перфекта и преждепрошедшего времени): *ja kīne ēi irum bam tu dyūerimi; wālum tu dāḡurka ba* 'этот мой сын был умершим, теперь ожил; потерялся, теперь я его нашел'; *awa, dicam* 'да, я принес это'; *yā amīt hālōr nīmi ke dñičam* 'они не входили в дом, куда вошел медведь';

3) в придаточных условных и временных предложениях оно может выражать значение будущего времени: *tamacum duḡarusuman ke mi ma masayundōro bān d̄suin* 'если они спросят о вас, не говорите им «мы – сыновья вашей сестры»'; *amin hirane dltalik yu kaš d̄ti ke bādša dyueši* 'если кто-нибудь убьет его двух сыновей, царь выживет'.

Форма перфекта от основной массы глаголов употребляется в значениях:

1) прошедшего времени с результатом в настоящем: *koc hār bes ducān?* 'почему вы привели этих быков?'; *kulto ajab čayan daiyela ba* 'сегодня я услышал странную вещь';

2) прошедшего неочевидного (о котором известно с чужих слов или из ситуации): *Alqaš Wazire ja auy ēsqanaii* 'Алькаш Вазир [оказывается] убил моего отца'; *Bərbəre gocil ša Jazansfere waxtulo Wazir Asadulla Bige dūsaii* 'Вазир Асадулла Бек выкопал канал Бербер во времена Шаха Газан-фара'.

У глаголов состояния, имеющих двойную семантику: *gičaias* 'ложиться' и 'лежать', *hyūtas* 'садиться' и 'сидеть' и т.п., форма перфекта выражает состояние в настоящем времени, как результат прошлого действия.

Форма преждепрошедшего времени употребляется обычно для выражения действия, которое предшествует другому действию предложения, выражаемому другими формами группы прошедших времен: *ēspalam tu dimēiyurkān* 'мы потеряли его, теперь мы нашли его'.

От глаголов состояния она обозначает состояние в прошлом, как результат более раннего действия.

Сослагательное наклонение

Сослагательное наклонение имеет лишь одну вневременную форму, образованную от основы настоящего времени наращением показателя *-m* (с огласовкой 1-го лица *-a-*, остальных *-u-*) и частицы *se*. По-видимому, основой здесь послужило то же неупотребительное ныне причастие, которое используется и при образовании формы будущего времени.

Употребляется в значениях:

1) нереального действия (в контекстах, относящихся к прошлому): *Aba Kituŋe hūnc yər ne dēegusat ke ēirčum se* 'если бы Аба Китун не натянул стрелу вперед, [тот] не умер бы';

2) реального действия в контексте, выражающем сомнение, неуверенность, долженствование (различной временной соотнесенности): *han yutur maim se, kōk ālto yutōriy bica* 'должна была быть [здесь] одна дыра, а это — две дыры'; *bešal han ... dūan kuli aiyawa ke ja jeimo šugūlotiŋe ka nišinin šuriār ečat se* 'ты никогда не давал мне [даже] одного козленка, чтобы, съев его с моими друзьями, я мог повеселиться'.

Таблица 15

Парадигма спряжения глагола *b-* 'быть'

Настоящее время

Лицо	Число		Единственное	Множественное
	Класс			
1-е			<i>je ba</i>	<i>mi bān</i>
2-е			<i>ūy ba</i>	<i>ma bān</i>
3-е	I		<i>īne baii</i>	} <i>ūe bān</i>
			<i>īne bo</i>	
	II	<i>īse bi</i>	} <i>īce bie/an, bie/a</i>	
	IV	<i>īte bila</i>		

Прошедшее время

Лицо	Число		Единственное	Множественное
	Класс			
1-е			<i>je baiyam</i>	<i>mi bam</i>
2-е			<i>ūy bam</i>	<i>ma bam</i>
3-е	I		<i>īne bam</i>	} <i>ūe bam(an)</i>
			<i>īne bōm</i>	
	II	<i>īse bīm</i>	} <i>īce bīm</i>	
	IV	<i>īte bīlum</i>		

Герундий II

Число \ Класс		I и II	III	IV
Единственное		<i>baš</i>	<i>biš</i>	<i>biliš</i>
Множественное		<i>bačan</i>	<i>(bičan?)</i>	<i>biličan</i>

Парадигма спряжения глагола *-atas* 'делать'-в форме для I, III и IV классов *etas* (основа наст.вр. *eš*-, основа прош. вр. *eti*-).

ФИНИТНЫЕ ФОРМЫ

Изъявительное наклонение

Число	Лицо	Видо-временные формы		Будущее	Настоящее	Прошедшее длительное
		Класс	Лицо			
Единственное	1-е	I II III IV		<i>ešat</i>	<i>ya ba</i>	<i>eša baiyat</i>
	2-е			<i>ešuta</i>	<i>eša</i>	<i>ešat, ešuwat</i>
	3-е			<i>ešimi, eši</i>	<i>ešaii, ešuai</i>	<i>ešat, ešuwat</i>
				<i>ešimo, ešo</i>	<i>ešu bo</i>	<i>ešu bōm</i>
Множественное	1-е	I II III IV		<i>ešimi</i>	<i>eši bi</i>	<i>eši bim</i>
				<i>ešimi</i>	<i>eši bīla, ešīla</i>	<i>eši bīlum, ešīlum</i>
	2-е			<i>ešan</i>	<i>eša bān</i>	<i>eša bat</i>
	3-е			<i>ešuman</i>	<i>ešān, ešewān</i>	<i>ešat, ešuwat</i>
				<i>ešuman</i>	<i>ešān</i>	<i>ešat, ešuwat</i>
				<i>ešie/an, ešie/a</i>	<i>eši bīe/an,</i> <i>ešie/an, ešie/a</i>	<i>eši bīm</i>
				<i>ešimi</i>	<i>ešican</i>	<i>eši bīcum</i>

Продолжение табл. 16

Число	Лицо	Видо-временные формы		Прошедшее	Перфект	Преждепрошедшее
		Класс	Лицо			
Единственное	1-е	I II III IV		<i>etam, eta</i>	<i>eta ba</i>	<i>eta baiyat</i>
	2-е			<i>etuma, (eta)</i>	<i>etā, etuma</i>	<i>etam, etām</i>
	3-е			<i>etimi, eti</i>	<i>etaii</i>	<i>etam, etām</i>
				<i>etimo, (eto)</i>	<i>etu bo</i>	<i>etu bōm</i>
Множественное	1-е	I II		<i>etimi, (eti)</i>	<i>eti bi</i>	<i>eti bim</i>
				<i>etimi, (eti)</i>	<i>eti bīla, ešīla</i>	<i>eti bīlum, ešīlum</i>
	2-е			<i>etuman, etan</i>	<i>etān, etuwān</i>	<i>etam, etām</i>
	3-е			<i>etuman, etan</i>	<i>etān, etuwān</i>	<i>etam, etām</i>
				<i>etuman, (etan)</i>	<i>etān, etuwān</i>	<i>etam, etām</i>
				<i>etimian, etian,</i> <i>etia</i>	<i>eti bian</i>	<i>eti bīm</i>
				<i>etimi, (eti)</i>	<i>eti bīcan,</i> <i>ešican</i>	<i>eti bīcum</i>

Неизъявительные наклонения

Число		единственное	множественное
Лицо		сослагательное	
1-е		<i>еҳат се</i>	(<i>еҳат се?</i>)
2-е		(<i>еҳит се?</i>)	(<i>еҳит се?</i>)
3-е		(<i>еҳит се?</i>)	(<i>еҳит се?</i>)
		повелительное	
2-е		<i>ети, е</i>	<i>етин</i>
		повелительное вежливое	
2-е		<i>етиа, ета</i>	<i>етина</i>

Нефинитные формы: инфинитив *etas*, имя деятеля *etas* (мн. число *etas*), герундий I *етит* (мн. число *етитишо*), герундий II *етиш* (мн. число *етишан*), частие прошедшего времени *летан, ле*, частие настоящего времени *еҳите*, основа настоящего времени с послелогом *-ег*: *еҳег*.

Таблица 17

Парадигма спряжения глагола *ниyas*, *ниās* 'идти' (основа наствр. *ниш*, основа прош.вр. *ни-*).

ФИНИТНЫЕ ФОРМЫ

Изъявительное наклонение

Число	Лицо	Видо-временные формы		Настоящее	Прошедшее длительное	
		Будущее	Класс			
Единственное	1-е	<i>нишан</i>	I II III IV	<i>ниша ва</i>	-	
	2-е	<i>нишита</i>		<i>ниша</i>	-	
	3-е	I		<i>нишими, ниши</i>	<i>нишани</i>	<i>нишан (?)</i>
		II		<i>нишито, нишу</i>	<i>нишу бо</i>	-
Множественное	1-е	<i>нише/ан</i>	I	<i>ниши би</i>	<i>ниши бит</i>	
				II	<i>ниши биша, нишита</i>	-
	2-е	<i>ништан</i>	II	<i>ниша бан</i>	-	
				III	<i>нишан</i>	-
3-е	III	IV	<i>нишан</i>	-		
			IV	<i>нишан (?)</i>	-	

Число	Лицо	Класс	Видо-временные формы	Прошедшее	Перфект	Преждепрошедшее
Единственное	1-е		<i>niam</i>	<i>niam</i>	<i>nia ba</i>	<i>nia baiyam</i>
	2-е	I	<i>n̄ma</i>	<i>n̄ma</i>	<i>ni ba</i>	<i>ni bam</i>
	3-е	II	<i>n̄mi</i>	<i>n̄mi</i>	<i>ni baii</i>	<i>ni bam</i>
		III	<i>n̄mo</i>	<i>n̄mo</i>	<i>ni bo</i>	<i>ni b̄om</i>
Множественное	1-е	IV	<i>n̄mi</i>	<i>n̄mi</i>	<i>ni bi</i>	<i>ni b̄im</i>
			<i>n̄mi</i>	<i>n̄mi</i>	<i>ni b̄la</i>	<i>ni b̄lum</i>
	2-е	I	<i>n̄man</i>	<i>n̄man</i>	<i>ni b̄an</i>	<i>ni bam</i>
		II	<i>n̄man</i>	<i>n̄man</i>	<i>ni b̄an</i>	<i>ni bam</i>
3-е	III	<i>n̄man</i>	<i>n̄man</i>	<i>ni b̄an</i>	<i>ni bam</i>	
	IV	<i>n̄mia/e</i>	<i>n̄mia/e</i>	<i>ni bie/a, ni b̄te/an</i>	<i>ni b̄im</i>	
			<i>n̄mi</i>	<i>ni b̄can</i>	<i>ni b̄cum</i>	

Продолжение таблицы 17

Неизъявительные наклонения

Лицо	Число	Единственное	Множественное
		повелительное	
2-е		<i>ni</i>	<i>n̄n</i>
		повелительное вежливое	
2-е		-	<i>n̄na</i>

Нефинитные формы: инфинитив *niyas, n̄tas*, имя деятеля *niyas, n̄tas* (мн.число *niyašo*), герундий I *n̄im* (мн.число *n̄im*), герундий II *niž* (мн.число *nižan*), основа настоящего времени с последлогом -*ar*: *nižar*, причастие прошедшего времени (с инфиксами субъекта действия):

Лицо	Число	1-е	2-е	3-е	
					I кл.
Единственное		<i>n̄an</i>	<i>ničōn</i>	<i>n̄n, niin</i>	<i>ničōn</i>
Множественное		<i>n̄imēn,</i> <i>n̄imēnin</i>	<i>namān,</i> <i>namānin</i>	<i>n̄n, n̄nin</i>	

Таблица 18

Парадигма спряжения глагола *-delas* 'бить', 'ударять' (основа наст.вр. *-delʲ-*) в единственном числе настоящего времени с префиксами лица, класса и числа объекта действия

Объект		1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	
				I, III, IV кл.	II кл.
Субъект		Единственное число			
1-е лицо		-	<i>gudelʲa ba</i>	<i>idelʲa ba</i>	<i>mudelʲa ba</i>
2-е лицо		<i>adelʲa</i>	-	<i>idelʲa</i>	<i>mudelʲa</i>
3-е лицо	I кл.	<i>adelʲaii</i>	<i>gudelʲaii</i>	<i>idelʲaii</i>	<i>mudelʲaii</i>
	II кл.	<i>adelʲu bo</i>	<i>gudelʲu bo</i>	<i>idelʲu bo</i>	<i>mudelʲu bo</i>
	III кл.	<i>adelʲi bi</i>	<i>gudelʲi bi</i>	<i>idelʲi bi</i>	<i>mudelʲi bi</i>
	IV кл.	<i>adelʲi bʲla</i>	<i>gudelʲi bʲla</i>	<i>idelʲi bʲla</i>	<i>mudelʲi bʲla</i>
		Множественное число			
				I – III классы	
1-е лицо		-	<i>madelʲa ba</i>	<i>udelʲa ba</i>	
2-е лицо		<i>midelʲa</i>	-	<i>udelʲa</i>	
3-е лицо	I кл.	<i>midelʲaii</i>	<i>madelʲaii</i>	<i>udelʲaii</i>	
	II кл.	<i>midelʲu bo</i>	<i>madelʲu bo</i>	<i>udelʲu bo</i>	
	III кл.	<i>midelʲi bi</i>	<i>madelʲi bi</i>	<i>udelʲi bi</i>	
	IV кл.	<i>midelʲi bʲla</i>	<i>madelʲi bʲla</i>	<i>udelʲi bʲla</i>	

Примечание. Префиксы IV класса мн. числа и I, III, IV классов ед. числа идентичны.

Парадигма спряжения глагола *d-cas* 'приносить' (основа наст. вр. *d-š-*, основа прош. вр. *d-c-*) с префиксами косвенного объекта (форма префикса указывается в скобках) при прямом объекте IV класса

ФИНИТНЫЕ ФОРМЫ

Изъявительное наклонение

Число	Лицо	Класс	Видо-временные формы			
			Будущее	Настоящее	Прошедшее длительное	
Единственное	1-е		<i>dšam</i> (3-е л.мн.ч. IV кл.)			
			<i>dušam</i> (3-е л.мн.ч. IV кл.)	<i>dša</i> (3-е л.мн.ч. I-II кл.)		
	3-е	I	<i>diši</i> (3-е л.ед.ч. I, III, IV кл.)	<i>dišaii</i> (3-е л.ед.ч. I, III, IV кл.) <i>ditšaii</i> (3-е л.ед.ч. II кл.) <i>dušaii</i> (3-е л.мн.ч. I-II кл.)	<i>dišam</i> (3-е л.ед.ч. I, III, IV кл.)	
		II	<i>ditšiši</i> (3-е л.ед.ч. II кл.)			
	Множественное	1-е		<i>dišam</i> (3-е л.ед.ч. I, III, IV кл.) <i>dšam</i> (3-е л.мн.ч. I-II кл.)		
			3-е	I-II	<i>dšam</i> (3-е л.мн.ч. I-II кл.)	<i>diššn</i> (3-е л.ед.ч. III-IV кл.) <i>dušān</i> (3-е л.мн.ч. I, II, III кл.)

Число	Лицо	Класс	Видо-временные формы		
			Прошедшее	Перфект	Преждепрошедшее
Единственное	1-е		<i>dicas</i> (3-е л. ед. ч. I, III, IV кл.) <i>dik̄icas</i> (2-е л. ед. ч.) <i>dim̄icas</i> (3-е л. ед. ч. II кл.) <i>d̄icas</i> (3-е л. мн. ч. I-III кл.)	<i>dica ba</i> (3-е л. ед. ч. I, III, IV кл.) <i>dica ba</i> (3-е л. мн. ч. I-III кл.)	
			2-е	<i>dicasa</i> (3-е л. ед. ч. III кл.)	
	3-е	I	<i>dicimi</i> (3-е л. ед. ч. III кл.) <i>dim̄icimi</i> (1-е л. мн. ч.)		
		II		<i>dica bo</i> (3-е л. ед. ч. I, III кл.)	
Множественное	2-е			<i>dicsā</i> (3-е л. мн. ч. III кл.)	
	3-е	I	<i>dicimā</i> (3-е л. ед. ч. I, III кл.) <i>dim̄icimā</i> (3-е л. ед. ч. II кл.)	<i>dicsā</i> (3-е л. ед. ч. I, III кл.) <i>d̄icsā</i> (3-е л. мн. ч. I-III кл.)	<i>dicas</i> (3-е л. ед. ч. I, III кл.)

Неизъявительные наклонения
Повелительное

Лицо \ Число	Повелительное	
	Единственное	Множественное
2-е	<i>dica</i> , <i>dico</i> (3-е л. ед. ч. I, III кл.) <i>dim̄ica</i> (3-е л. ед. ч. II кл.) <i>d̄ico</i> (3-е л. мн. ч. I-III кл.)	<i>dicsā</i> (3-е л. ед. ч. I, III кл.) <i>dim̄icsā</i> (3-е л. ед. ч. II кл.) <i>dicsin</i> (3-е л. мн. ч. I-III кл.)

Нефинитные формы: инфинитив *dacas* (1-е л. ед. ч.), *dik̄icas* (2-е л. ед. ч.), *d̄icas*, *dicas* (3-е л. ед. ч. I, III кл.), *dim̄icas* (3-е л. ед. ч. II кл.), *dim̄icas* (1-е л. мн. ч.), *dim̄icas* (2-е л. мн. ч.), *d̄icas* (3-е л. мн. ч. I-III кл.); герундий I *dicim* (3-е л. ед. ч. I, III кл.), *dicim* (3-е л. мн. ч. I-III кл.); герундий II *d̄icis̄* (3-е л. мн. ч. I-III кл.); причастие прошедшего времени: *dicin* (3-е л. ед. ч. I, III кл.), *dim̄icin* (3-е л. ед. ч. II кл.), *d̄icin* (3-е л. мн. ч. I-III кл.), причастие настоящего времени: *d̄icite* (3-е л. мн. ч. I-III кл.).

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение образуется от основы прошедшего времени. В единственном числе представлено чистой основой, во множественном присоединяет показатель *-l* (после *-i*) или *-in* (в других случаях). Повелительное вежливое образуется присоединением *-a* к форме повелительного наклонения. Примеры: *ni* 'иди', *dim̄ici* 'приведи ее', *at̄ōlin* 'не открывай его', *m̄ōtin* 'заставь ее пить'; вежливая: *aḥa* 'дай, пожалуйста', *ber̄ēnina* 'посмотри, пожалуйста', *ēsuina* 'скажи ему, пожалуйста'.

* * *

Помимо рассмотренных финитных форм, изъявительное наклонение пополняется за счет аналитических образований и оборотов, состоящих из причастий или герундия и вспомогательных глаголов. Наиболее употребительные из них могут рассматриваться и как новообразованные аналитические формы: перфекта и преждепрошедшего перфекта (герундий I в значении активного причастия + глагол *b-*), формы пассива (герундий I в значении пассивного причастия + глагол *b-*); прошедшего длительного и преждепрошедшего времени (причастие прошедшего времени + глагол *b-*). Неизъявительные формы пополняются за счет употребления обоих герундиев в функции формы пожелания, герундия II — в оборотах возможности, долженствования, инфинитива и основы настоящего времени — в оборотах цели и т. д.

НАРЕЧИЯ

Собственно наречий в бурушаски очень немного. Они могут употребляться как самостоятельно (*ka* 'вниз', *ka* 'вместе', *yar* 'вперед'), так и в сочетании с послелогами: *kōl*, (*a*)*kōle* 'здесь' — *kōlār* 'сюда', (*a*)*kōlum* 'отсюда'; *tēl*, *tēle* 'там', *tēlār*, *tēlacār* 'туда', *tēlacum*, *tēlum* 'оттуда' и т. п.

Основную же часть адverbных слов и сочетаний представляют имена существительные и прилагательные, употребляемые в обстоятельственной функции, главным образом имена с локальным, временным и тому подобными значениями. Часть из них употребляется в обстоятельственной функции, не принимая какого-либо дополнительного оформления, в виде чистой основы: *thoŕ* 'новый', 'свежий' — 'по-новому', *lukap* 'небольшое количество' — 'немного', 'слегка'. Однако большая часть имен, употребляясь в обстоятельственной функции, получает специальное падежное и послеложное оформление (*tape* 'ночью', *uŕgit zamāpaulo* 'в прежние времена' и т.п.) и таким образом не относится к наречиям.

Несколько особняком стоят обстоятельственные наречные сочетания, образуемые от имен и собственно наречий присоединением элемента *ne*³⁵: *itifāq ne* 'согласно' (от заимствованного существительного *itifāq* 'согласие', 'союз'), *besap ne* 'как-нибудь' (от местоимения *besap* в значении 'что-нибудь'), *hōl ne* 'наружу' (от *hōl* 'снаружи'); *dal ne* 'наверх' (от *dal* 'наверху'); *yār ne* 'вниз' (от *yār* 'внизу') и т.п.

ПОСЛЕЛОГИ

Послелогии в бурушаски в значительной степени восполняют весьма ограниченную падежную систему имен. Присоединяясь одни — к форме именительного падежа, другие — к формам эргативно-косвенного (для имен I, III, IV классов) или общекосвенного падежа (для имен II класса), послелогии конкретизируют их значения.

³⁵ Д. Лоример, думается, вполне справедливо считает элемент *ne* причастной формой глагола *-atas* 'делать', образующей обстоятельственные сочетания, аналогичные таковым в языке шина с причастной формой *the* от глагола *thoiki* 'делать' (Lorimer, 1935, стр. 367).

Послелогии в бурушаски обнаруживают различную степень грамматикализации. Одни из них, например, *ale//ele* 'при', 'у', *aŕe* 'с', (*ə*)*r* 'к', 'в', *aŕe//eŕe* 'на', 'над', *xa* 'до', *se* 'на', *sum* 'от', *ulo* 'в', *um* 'из', 'с' являются чисто формальными элементами, другие же, как например, *araŕi* '(рядом) с', *ka* '(вместе) с', *xa* '(вниз) с', 'через', *yāre* 'под', *yār* 'перед' и др. сохраняют тесную связь с лежащими в их основе наречиями и (реже) именами (ср. сущ. *raŕi* 'сторона', *ka* 'вместе', *xa* 'вниз', *yār(e)* 'внизу', *yār* 'впереди'). Ср. *hiles-ər* 'к мальчику', *hiles-sum* 'от мальчика', *hiles-ale* 'у мальчика', *hiles-aŕe* 'на мальчике', *hiles-xa* 'до мальчика', *hiles-ulo* 'в мальчике' и т.д.; *gus-mu-r* 'к женщине', *gus-mu-sum* 'от женщины' и т.д.; *den-iŕ-ər* 'к годам', *den-iŕ-sum* 'от лет', *den-iŕ-xa* 'до лет', *den-iŕ-ulo* 'в годы' и т.д.

СОЮЗЫ

Отмечаются сочинительные и подчинительные союзы. Наиболее употребителен из них *ke* — практически универсальный союз, выступающий и в сочинительной, и в подчинительной функциях, соединяя между собой как отдельные предложения, так и однородные члены внутри предложения, и присоединяя различного типа придаточные предложения (в том числе и прямую речь) к главному. Примеры: *ŕe ke ũŕ ke miyu ōltalik* 'я и ты и оба наших сына'; *xuŕie ka xabər nukap gūimo guyu ke niyep ŕamāate ka hālər ni* 'счастливо навестив и взяв твоих сыновей, иди со своей женой домой'; *ũŕ amin ba ke...* *ŕa gatuj aŕup* 'кто бы ты ни был, дай мне мою одежду'; *ũŕ niŕa ke ŕe ke ŕuŕat* 'если ты пойдешь, я тоже приду'. Достаточно широко употребителен и сочинительный союз *da* 'и', '(ну) и': *da ŕškūkulo talo kananc bīm* '(ну) и было в Ишкуке семь деревень'; *yūsan bōm, da hin ēyep bōm* 'жена была и одна дочь была'.

Другие союзы имеют более ограниченный круг употребления, сочинительные союзы: *ke ... ke* 'и ... и', *yā* 'или', *yā ... yā* 'или ... или', *am(m)a, lēkin, tagər* 'но', *ne ... ne*

'ни ... ни' и др., подчинительные: *kuli* 'если' и сочетания: *axəna ... ke*, *agər ... ke* 'если', *be ke* 'а не то', *bese ke* 'потому что' и др.

ЧАСТИЦЫ

Наиболее употребительны частицы: утвердительная *awa* 'да', звательные *āu*, *le*, *se* 'эй' (*le jamāt* 'о жена', *se dasin* 'эй, девушка') и отрицательная *be* 'нет', 'не'. Последняя несколько варьирует по значению в зависимости от контекста: *be, traŋ aiyəčān* 'нет, мы не будем делить это'; *yə gōsa baiyama be?* 'сказал я тебе раньше, [или] нет?'; *in mūto be* 'его здесь нет' и др.

Кроме того, отмечается энклитическая постпозитивная вопросительная частица *-a*, употребляемая, как правило, при глаголе (если глагольная форма не оканчивается на *-a*): *atimīa?* 'не пришел ли он?'; *gan mene heibāna?* 'знает ли кто-нибудь дорогу?'

Некоторые сведения из синтаксиса

Синтаксис — наименее изученная область структуры языка бурушаски, что заставляет ограничиться здесь его самой общей характеристикой.

Выделяются два вида словосочетаний — сочинительные и подчинительные. Первые образуются посредством сочинительных союзов и интонационно. В подчинительных словосочетаниях налицо три способа синтаксической связи: согласование (ср. ед.ч. *baɣərək sisan* 'дурной человек', мн.ч. *baɣərək-išo hir-ik* 'дурные люди'), управление (*aždər-e māri* 'пища дракона') и примыкание (*yərut zamān-ulo* 'в прежнее время'). Из однородных членов предложения оформление как правило приобретает только последний: ср. *mūmi ke mūu-ər* '(своим) матери и отцу'. Аналогичным образом при наличии в предложении нескольких сказуемых в финитной форме выступает лишь последнее из них (см. разд. «Глагол», стр. 72).

По своему составу предложения делятся на простые и сложные, первые преобладают. Различаются две конструкции предложения: номинативная и эргативная. Первая из них характеризует предложения с непереходным глаголом (его подлежащее ставится в именительном падеже: ср. *būt muddat nīmi* 'прошло долгое время'; *in ja arabər juči* 'он придет ко мне', букв. 'в мое присутствие') в обеих группах времен, а также предложения с переходным глаголом в формах первой группы времен (ср. *je deljam* 'я убью'; *je ādamzāde nasen daičča ba* 'я чувствую запах человека'). Эргативная конструкция предложения имеет место при наличии переходного глагола в формах второй группы времен. Подлежащее при этом ставится в эргативно-косвенном падеже, прямое дополнение — в именительном (*tham-e senimi* 'властитель сказал', *ūje baba dārai* 'твой отец послал-меня', *ja ūj guycat* 'я увидел тебя'). В ряде случаев эргативная конструкция наблюдается при переходных глаголах и в первой группе времен (*phūte mi nahaq mesqaimi* 'див убьет нас понапрасну'). Некоторые глаголы, например *kenas* 'знать' (всегда), *senas* 'говорить' (обычно) и др. независимо от временной формы требуют эргативного построения предложения. Таким образом, в бурушаски отмечается контаминация номинативной конструкции с эргативной (ср. оформление эргатива в гильгитском диалекте языка шина).

Подлежащее может быть выражено именем существительным, местоимением, отглагольным именем, субстантивированным прилагательным или числительным. Сказуемое обычно выражается личной или инфинитной формой глагола, именем существительным, прилагательным или местоимением со связкой. Помимо простых определений, передающихся, как и в других языках, прилагательными, причастиями, порядковыми числительными, некоторыми видами местоимений и герундием, здесь часто употребительны определения, выраженные причастными сочетаниями, построенные по типу бахуврихи: *ṭhi burut taput hir* 'человек, у которого побелела борода' (букв. 'боро-

да белой ставшая человек'); *api dsum dišulo* 'не в [том] месте, где это было положено'; *ja au ēsqanum ite dišer* 'в месте, где был убит мой отец'. При употреблении герундия в функции определения указательные местоимения — определители ставятся обычно между ним и определяемым именем: *Itē senum ite būl* 'упомянутый им водопад'. обстоятельство обычно выражается различными видами наречий или именной группой с послелогом (ср. *būt cōrum zamāna-ulo* 'в очень ранние времена'), а также только именем существительным или прилагательным без дополнительного оформления, употребляемым в наречной функции (примеры см. в разд. «Наречие», стр. 59). Иногда в роли обстоятельств выступают деепричастия или деепричастные обороты (см. разд. «Глагол», стр. 69 и сл.). При употреблении причастий и герундия в деепричастной функции субъект деепричастного оборота и сказуемого не обязательно тождествен. Отсюда, в предложении нередко встречаются абсолютные обороты (примеры см. в разд. «Глагол», стр. 70).

Подлежащее и сказуемое согласуются в числе. Кроме того семантическая принадлежность подлежащего — существительного и местоимения требует определенного суффиксального показателя лица (в формах ед. числа), числа и класса в сказуемом-глаголе. В свою очередь семантическая группа прямого или косвенного дополнения обуславливает определенный префиксальный показатель лица, числа и класса в сказуемом-глаголе.

На порядок слов в предложении наложены довольно строгие ограничения. Все члены предложения, в том числе различные дополнения, предшествуют сказуемому, которое сильно тяготеет к концу предложения: ср. *Misgārulo han as-tānan bi, ēse ik Aqtaš bila ... kirgize tk osam* 'есть в Мисгаре моши, название которых Акташ ... киргизы [это] имя дали'. Предложение чаще всего начинается обстоятельством (места, времени) или подлежащим (*isē-ulo han aždaran bim* 'в нем один дракон был'). Определенные разряды обстоятельств

непосредственно предшествуют сказуемому. Различные виды определений находятся в препозиции по отношению к своим определяемым: ср. *hin jat gusanmo ha* 'дом одной старой женщины'.

Имеются как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения. Первые менее употребительны. Сложносочиненным предложениям других языков обычно соответствует последовательность простых предложений. Иногда связь между соответствующими простыми предложениями осуществляется либо посредством союзов, либо повторением в деепричастной или герундивной форме в начале последующего предложения замыкающего глагола предыдущего предложения: *pādša yūlʹen yecimi. yūlʹi nīcin til tēlimi* 'царь увидел сон. Увидев сон, он забыл его'; *phər numa tmi moracər dīmi. dīnin doyarusumi* 'вернувшись, он пришел к своей матери. Придя, он спросил о ней'; *ise šikāri yakalačər nīmi. nīmər ho šikaricum duwa-šaman* 'он отправился в крепость. Во время его следования, тогда они покинули крепость'.

По способу выражения подчинительной связи сложноподчиненные предложения делятся на бессоюзные (*mene sei-bān Baseŋ Gēri thaman bam* 'некоторые говорят, Басенг Гари был властителем') и союзные (*ʹjat guse bareimo ke ʹarbel api* 'когда старая женщина поглядела [увидела, что] ее решета нет', *hamale hākičanulo ūŋ besan dūscak bica ke gūimo hālər dusū* 'в соседних домах тебе принадлежит, перенеси [это] в твой собственный дом'.

В бурушаски нет конструкции косвенной речи. Прямая речь вводится постпозицией (реже — препозицией) к прямой речи глагола «говорить» в форме деепричастия прошедшего времени и, реже, в значении «мол» — других форм: *Šahri Bā-nue senumo itaq aiyetin; čei ʹāle bi* - *nusen, dōnumo* 'Шахри-Бану сказала: «Не ломай его; ключ со мной» - мол (букв. сказав), открыла его'; *pādša hukum etimi cūi piāda sisər hayur cūin* - *nusen, nōlʹen ducūin* - *nusen, hukum etimi* 'царь прика-

зал: «Для этих пеших людей лошадей возьмите» - мол (букв. сказав), «оседлав введите их» - мол (букв. сказав) приказал'.

ЛЕКСИКА

Характеристика словарного состава языка бурушаски затруднена не только вследствие его изолированной генетической позиции среди окружающих языков, но и из-за отсутствия сколько-нибудь специальных лексикологических исследований, посвященных этому языку. Описывая сложную картину переплетения словарных изоглосс в восточной части Гиндукуша, И.И. Зарубин отмечал, что здесь «имеется много словарных элементов, общих двум или нескольким языкам. В большинстве случаев еще преждевременно говорить о заимствовании одним языком из другого; осторожнее пока ограничиться лишь установлением факта большей или меньшей лексической общности рассматриваемых языков, хотя в отдельных случаях картина лексической миграции более ясна»³⁶. Однако в настоящее время, особенно после публикации Д.Лоримером больших словарей по обоим диалектам бурушаски, разграничение исконного словаря и заимствований не представляет особых трудностей.

Заимствованный фонд составляет весьма значительную часть лексики, но почти единственным источником его явились смежные дардские языки шина и кховар, с которыми бурушаски контактировал в течение многих столетий. Именно через них (и отчасти через литературу на урду) усвоены многочисленные персизмы и арабизмы, характеризующие различные области культуры и быта мусульманского мира: ср. *azadī* 'свобода', *biyabān* 'пустыня', *waxt* 'время', *giran* 'дорогой', *dastūr* 'обычай', 'правило', *imarat* 'дворец', *kambaxt* 'несчастный', *lāl* 'рубин', *ruh* 'душа', *sabab* 'причина', *tamat* 'весь', 'целый', *ustād* 'мастер', *fikr* 'мысль', *čador* 'накидка', *ja-*

³⁶ Зарубин, 1927, стр. 314.

dugar 'кудесник', *xuda* 'бог' и др. Если на диалект бурушаски в большей мере воздействовал язык шина, то в диалекте вершиквар особенно много лексики из кховар. В обоих случаях немало заимствований, выходящих за пределы «культурного» словаря: *būš* 'кошка', *ūi* 'верблюд', *urk* 'волк', *đabi* 'коробок', *čhur* 'нож', *bodo* 'среда', *daman* 'хозяин', *gəŋo* 'жених', *čot* 'удар', *bāš* 'язык (речь)', *abaš* 'трудный', *ačeto* 'злодей', *biđiro* 'круглый', *bago* 'доля', *tačhi* 'мед', *jaŋaš* — род бобовых и др. В ряде заимствований распознаются словообразовательные аффиксы шина: *-afo* для прилагательных (*čamə-rafo* 'недозревший', *jališrafo* 'болезненный'), *-iar//ei* для абстрактных имен (*damiyar* 'беспокойство', *šariar* 'радость', *šugulei* 'дружба'). Из языка кховар в диалекте вершиквар происходят: *amboh* 'много', *balbat* 'гусь', *čama* 'брошь', 'пряжка', *-muš* 'горсть', *čusti* 'красота', и др. Часть заимствований восходит к раннему состоянию шина: ср. *daman* 'хозяин' при шина *dabon*, диалект брокпа *damon* (скр. *damana-*). Не исключено здесь и наличие отдельных санскритизмов: ср. *bada* 'след', 'шаг' при скр. *pada-*, *bišk-in-* 'просить' при скр. *bhikṣā-* и др.

Небольшая группа лексических тюркизмов (ср. *gāūn* 'арбуз', *yurğa* 'иноходь', *tereq* 'тополь', *tuyuli* 'баран старше двух лет', *čamaq* 'огниво ружья', *čumar* 'железо', *šuga* 'чоха') едва ли во всех случаях обязана непосредственным контактам с тюркскими языками. Напротив, непосредственно из тибетских языков идут такие слова, как *baiyu* 'соль', *bras* 'рис', *con* 'раб', 'пленник', *taxpa* 'весть', *saŋ* 'свет', 'сияние'.

Преобладающая часть словаря относится к исконному фонду — почти все глаголы (как простые, так и сложноименные), местоимения, числительные, служебные слова, имена существительные и прилагательные, выражающие жизненно важные понятия. В исконной лексике высок процент звукоподражательных (ср. *uho* 'сква', *čačaq* 'большой барабан', *daqadaq etas* 'стучать', *qāqā etas* 'каркать'), а так-

же звукосимволических (ср. *dādo* 'дед', *ḡauḡau* – род каши, *matu* 'молоко', *kaki* 'старшая сестра', *bōḡo* 'теленок', *ḡar-ḡar* 'искра', *ḡōḡo* 'гортань', *ḡarḡar* 'плеск воды' и т.д.) основ. Синонимия широко развита, как за счет фонетической вариации слов (*halanc* // *halans* 'луна', *ḡōm* // *ḡōḡ* 'насыпь', *ḡāun* // *ḡōn* 'арбуз', *ḡar* // *ḡar* 'песня'), так и в связи с многочисленными лексическими заимствованиями (*xafa* // *taḡ* 'грустный', 'мрачный', *ḡhis* // *ḡabat* 'ошибка', *ḡul* // *ḡat* // *ḡid* 'злоба').

Словообразование достаточно развито. В именах различаются два способа производства слов: суффиксация и редупликация. В именном словообразовании наиболее продуктивны суффиксы *-ḡuin* // *-kuin* (*ḡaiiḡ-ḡuin* 'мельник' от *ḡaiiḡ* 'мельница', *ḡayur-kuin* 'всадник' от *ḡayur* 'лошадь'), *-c* (*dōrū-c* 'охотник' при *dōru* 'охота', *mōḡi-c* 'промыватель золота' при *mōḡi-* 'промыть золото'), заимствованный *-ḡi* (*ḡamal-ḡi* 'барабанщик'). Существительные отвлеченной семантики образуются присоединением к именным основам суффикса *-kuḡ*: *tutaḡ-kuḡ* 'темнота' (< *tutaḡ* 'темный'), *ḡam-kuḡ* 'верховная власть' (< *ḡam* 'властитель'). Отглагольные существительные строятся посредством суффикса *-(i)ḡ*: *ḡas-iḡ* 'смех' (*ḡasās* 'смеяться'), *wār-iḡ* 'крышка' (*wāras* 'покрывать'), *malc-iḡ* 'оскорбление' (*malcas* 'оскорблять'). Суффиксальным способом образуются производные прилагательные. Особенно продуктивен здесь суффикс *-(u)m*, который помимо собственно прилагательных (ср. *bur-um* 'белый', *ḡan-um* 'высокий', *ḡakuḡi-m* 'средний') образует и герундий I (ср. *et-um* 'сделанный', 'делавший' при *etas* 'делать', *nī-m* 'ушедший' при *niyas* 'уходить'). Среди других суффиксов можно отметить *-kum* (*ḡuyēs-kum* 'козий', *ūḡ-kum* 'верблюжий'), *-mo* (*ḡuyi-mo* 'полуденный' при *ḡuyi* 'полдень', *ḡini-mo* 'летний' при *ḡini* 'лето'), *-kiḡ* (*ḡyūku-kiḡ* 'зобатый', *lōi-kiḡ* 'кудрявый'), *-(i)-ski* (*buruḡa-ski* 'буришский', *ḡēn-iski* 'шинский', т.е. 'язык шина'), *-ulum* (*as-ulum* 'сердечный'). Посредством последнего суффикса образованы и порядковые числительные.

В глагольном словообразовании используются в основном префиксация, реже инфиксация и крайне редко суффиксация. Большой удельный вес занимают сложноименные глаголы.

Префиксация отмечается в основном при образовании переходных и каузативных глаголов от непроизводных переходных и непереходных. К основам первичных глаголов присоединяются префиксы *-a-* (наиболее универсальный) и *-as-* (перед основами, начинающимися с определенных согласных), при этом звонкие согласные начала основы оглушаются: *ḡār-cas* 'бежать' – *askōrcas* 'заставить бежать', *-wōras* 'устанавливать' – *aspōras* 'утомлять', *būltas* 'мыть' – *abaltas* 'заставить мыть', *minās* 'пить' – *aminas* 'поить'. Глаголы, имеющие исторический преверб *d-*, принимают префиксы *-a-* и *-as-* между ним и основой: *d-cas* 'приносить' – *d-acas* 'заставить приносить'.

В ряде глаголов употребляется исторический префикс или преверб *d-*, значение которого установить уже трудно, ср. *manās* 'становиться' – *d-manas* 'родиться'; некоторые глаголы употребляются параллельно с *d-* и без него: *-aras* // *d-aras* 'посылать', *ḡasās* // *d-aḡasas* 'смеяться' и др.

Менее распространен способ образования переходных и каузативных основ при помощи инфикса *-g-* (при оглушении *-k-*): *diasas* 'снять (одежду)' – *dēḡusas* 'заставить снять', 'раздеть', *dūnas* 'схватить' – *dōḡunas* 'заставить схватить'. Встречаются и менее регулярные способы инфиксации – изменение согласных корня, удлинение гласных и т.п.: *d-ncīras* 'распространиться' – *d-ncīras* 'распространить', 'расстелить', *d-ciginas* 'висеть' – *d-cikinas* 'вешать'. Ряд глаголов употребляется в переходном и непереходном значении без изменения основы.

Простые деноминативные глаголы образуются сравнительно редко. В основном отмечаются два способа их образования: 1) употребление именной основы в качестве глаголь-

ной без аффиксации: *duro* 'дело', 'работа' – *duṛōyas* 'делать дело', 'работать'; 2) префиксация *-a-* и *d-as-* (иногда в сочетании с суффиксацией): *babal* 'висячий' – *d-asparalas* 'уноситься вверх', *duro* 'дело', 'работа' – *-aduruyas* 'употреблять', *bir* 'полный' – *d-asprīranas* 'наполнять'.

Обычно отыменные глаголы оформляются как сложносочиненные, т.е. представляют сочетания имени с глаголами *-atas* 'делать', *manās*//*-manas* 'становиться'; реже – *-ḥiyas* 'давать', *delas*, *deliyas* 'ударять', 'бить', *d-cas* 'приносить', *ganas* 'брать', *ḥūyas* 'приходить', *niyas* 'идти', *walas* 'падать'. Примеры: *ar -atas* 'пугать', *ar -manas* 'пугаться', *maṣ -atas* 'массировать', *ḥur -atas* 'молчать', *madad -ḥiyas* 'помогать', *hal delas* 'прыгать', *daq dusūyas* 'верить', *-mḥs dusūyas* 'рассердиться', *bīri ḥūyas* 'кипеть' и т.д.

Редупликация используется в словообразовании имен существительных, прилагательных и числительных. Различаются, с одной стороны, полная редупликация, производящая помимо существительных (ср. *ḥarḥar* 'плеск воды', *girgir* – род бобов) также прилагательные (ср. *marīṇ-marīṇ* 'самый красивый', *ḥari-ḥari* 'самый известный') и разделительные числительные (*ālto-ālto* 'по два', *eundo-cundo* 'по пять') и, с другой, – частичная (ср. *ḍaḍaṇ* 'большой барабан', *lalam* 'сияние', 'блеск'). Особую разновидность последней составляют так называемые слова-эхо (*tobak-mobak* 'огнестрельное оружие', *ḥaḥa-ḥaḥa* 'тупой', 'глупый').

В ряде имен и глаголов засвидетельствован исторический префикс *lt-*. Обращает на себя внимание тот факт, что эти имена и глаголы не употребляются без личных и классных префиксальных показателей.

Некоторые особенности диалекта вершиквар

В фонетике вершиквар имеется семь гласных фонем, из которых пять (*a*, *e*, *i*, *o*, *u*) – общие с бурушаски, *ə* может быть также признан общим при трактовке *ə* в бурушаски как самостоятельной фонемы, а статус *ä* нуждается в до-

полнительном уточнении, поскольку этот звукотип отмечается практически в тех же позициях, где в бурушаски налицо *ε* (на месте слияния *i + a*: *äḥi* 'его-брат', а также после веллярного *ḥ*, очевидно, как расширенный вариант *e*). Очевидно, имеется фонологическое противопоставление долгих и кратких, однако прослежено оно не для всех пар; кроме того, во многих случаях, где отмечена долгота гласного, есть сомнения в ее самостоятельной фонологической значимости.

В консонантизме обращает на себя внимание меньшее распространение придыхательных согласных. В записях И.И. Зарубина их нет вовсе, однако, возможно, это связано с индивидуальным произношением его информанта.

По-видимому, большее распространение *h*, возможно, самостоятельную фонологическую значимость имеют щелевые *f*, *x*. Фарингальный *h* сохраняется здесь и в середине слова. В остальном фонологическая система диалекта, по-видимому, совпадает с бурушаски. Фонологическая значимость веллярного *ḥ* неясна.

В морфологии наблюдается практически та же двухпадежная система имен с большим количеством послелогов-конкретизаторов. Деление существительных на те же четыре лексические группы, как и в бурушаски, находит поддержку в системе грамматических классов, отражающейся в категории принадлежности в именах, системе показателей объекта при глаголе и системе образования форм указательных и др. местоимений и числительных, различающихся по классам.

Система местоимений диалекта вершиквар отлична от бурушаски тем, что во 2-м лице единственного числа косвенной основой служит префиксальная форма.

Указательные местоимения имеют те же две серии: ближнюю и удаленную, и отражают четыре класса; они же (в основном местоимения удаленной серии) служат и личными 3-го лица.

Таблица 20

Падёж	Число		Множественное		
	Лицо	1-е	2-е	2-е	
Именительный		З. <i>ʒa</i> , Л. <i>ja, je</i>	З. <i>un</i> , Л. <i>ur</i>	<i>mi</i>	<i>ma</i>
Косвенный		<i>ja</i>	З. <i>gu</i> Л. <i>go</i>	<i>mi</i> , перед последлогами <i>mimi-</i>	<i>ma</i> , перед последлогами <i>tama-</i>

Таблица 21

Класс	Серия	Ближняя		Удаленная		
		Число	Единст- венное	Множест- венное	Единст- венное	Множест- венное
I			<i>kʲne</i>	} <i>kie</i>	<i>ne</i>	} <i>we, ūe</i>
II			<i>kʲno</i>		<i>ni, mo</i>	
III			<i>guse</i>	<i>guce</i>	<i>se</i>	<i>ce</i>
IV			<i>g/kute</i>	<i>guke</i>	<i>te</i>	<i>k'e</i>

Префиксальные формы практически совпадают с таковыми в бурушаски:

Таблица 22

Число	Лицо	Класс	1-е	2-е	3-е			
					I	II	III	IV
Единственное			<i>a-</i>	<i>gu-</i>	<i>i-</i>	<i>ni-</i>	<i>i-</i>	<i>i-?</i>
Множественное			<i>mi-</i>	<i>ma-</i>	<i>u-</i>			<i>i-?</i>

Числительные практически не отличаются от таковых в бурушаски.

В глагольной системе большее развитие получили формы будущего и прошедшего времени от причастной основы на *-t*, при этом в системе прошедших времен в качестве такой основы выступает причастная форма, соответствующая

герундию I бурушаски. Таким образом, здесь в качестве самостоятельных глагольных форм выступают сочетания, которые в бурушаски являются вторичными аналитическими сочетаниями, употребляемыми в дополнение к уже существующим аналитическим формам.

Для лексики вершикского диалекта характерно большее, чем в бурушаски, количество заимствований из языка кховар, а также некоторые отклонения в звукотипе ряда общих слов: ср. верш. *baʒar* 'бойница' ~ бур. *baʒʒar*, верш. *ʒeke* 'гнида' ~ бур. *ʒiki*, верш. *ʒōdi* 'гортань' ~ бур. *ʒōdo*, верш. *nikak* 'бобы' ~ бур. *bukak*, верш. *nu* 'большой', 'старший' ~ бур. *uūt* и т.п.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Образец текста на диалекте бурушаски³⁷

Minas Širi Badat yā Širi Bərai Bayər tham. qadim zamanulo Giltulo thamān Ša Raīs nuse bam. seibān tne kapalulo jeniše tur bilum. gute sir sirf hin xās mahramanər lel bilum, ine thame yuyay ečam. thame gute čaça nihāyat čar ečər xiāl bilum.

Буквальный перевод

Сказание [о] Шири Бадате, или Шири Быраи Багыре властителя. В старое время в Гильгите властитель Шах Раис по имени был. Говорят его в голове золотой рог был. Эта тайна только одному личному слуге известна была, [который] у этого властителя волосы делал. У властителя этого обстоятельства чрезвычайно для делания в тайне мысль была.

Литературный перевод

Сказание о властителе Шири Бадате, или Шири Быраи Багыре. В старое время в Гильгите был один властитель по имени Шах Раис. Говорят, что у него на голове были золотые рога. Эта тайна была известна только одному его личному слуге, который ухаживал за его волосами. Властитель чрезвычайно заботился о сохранении этого обстоятельства в тайне.

³⁷ Lorimer, 1935, стр. 376-379.

Словарь и лексико-грамматический комментарий к тексту

minas 'сказание', 'рассказ'.

Širi Badat – Шири Бадат (имя собственное).

yā 'или'

Širi Bərai Bayər – Шири Быраи Багыр (имя собственное).

tham 'властитель'.

qadim 'старый', 'древний'.

zaman-ulo 'во время'; сущ. *zaman* 'время' (заимств.) +
последлог *-ulo* 'в'.

Gilt-ulo 'в Гильгите'; географ. название «Гильгит» (*Gilt*) в
редуцированной форме + последлог *-ulo* 'в'.

tham-an 'властитель'; в форме неопределенности.

Ša Raīs – Шах Раис (имя собственное).

nuse 'по имени'; прич. прош.вр. от глагола *senas* (основа
наст.вр. *sei-*) 'говорить', 'называть'.

bam 'был'; глагол *b-* 'быть' в форме прош.вр. 3-го лица
ед.числа, I грамматического класса.

seibān 'говорят'; глагол *senas* 'говорить' в форме наст.
вр. 3-го лица мн.числа, I-II грамматических классов.

ine 'его'; указательное местоимение удаленной серии для
I и II классов в функции личного местоимения 3-го ли-
ца в эргативно-косвенном падеже.

kapal-ulo 'на голове'; сущ. *kapal* 'голова' (заимств.) +
последлог *-ulo* 'в'.

jeniše 'золотой'; сущ. *jeniš* 'золото' в форме эргативно-
косвенного падежа (букв. 'золота').

tur 'рог'.

bilum 'был'; глагол *b-* 'быть' в форме прош.вр. 3-го л.ед.
числа, IV грамматического класса.

gute 'эта'; указательное местоимение IV класса.

sir 'тайна' (заимств.)

sirf 'только'; наречие (заимств.)

hin 'один', числительное в форме I класса.

xās 'личный' (заимств.)

māhram-an-ər 'слуге'; сущ. *māhram* 'слуга' (заимств.) в неопределенной форме с послелогом *-ər* 'к'.

lel 'известный'.

lne указательное местоимение (см. выше) в функции определенного артикля.

thame 'у властителя'; *tham* в форме эргативно-косвенного падежа ед. числа.

yuyay 'волосы'.

ešam 'делал'; глагол *-atas* 'делать' в форме прош. длит.вр. 3-го лица I класса ед.числа с объектным префиксом IV грамматического класса *i-*.

šaya 'обстоятельство', 'дело', 'история'.

nišayāt 'чрезвычайно', 'крайне'; наречие (заимств.).

šar 'тайна'.

ešər 'для сохранения'; основа наст.вр. глагола *-atas* 'делать' с объектным префиксом IV класса *i-* и послелогом *-ər* (форма употреблена в функции обстоятельства цели).

xiāl 'мечта', 'мысль' (заимств.)

Образец текста на диалекте вершиквар³⁸

Mənas, bam arám - iské ošikon bam. attán ušikon hep nani mi-sút bam. hep äšci hep nani mi-sút bam. ne äšciyon iya se búšü yāršim sek. we unúyu úya se búša aí yāršim sek. hāk uttú né-ka iya se ayí yāri. we attán ušikón ne äšci búšü äsqanep.

Буквальный перевод

Рассказ. Было не было — три их-братья было. Два их-братья одна мать нее-от было. Один его-брат одна мать нее-от был. Тот он-младший его-свой тот теленок берег. Те они-

³⁸ Текст взят из работы: И.И.Зарубин, 1927, стр.316,

старшие их-свои те телята не берег(ли). Один день он-тоже его-свой он(тот) не поберег. Те два их-братья тот его-брат теленок его-убили.

Литературный перевод

Рассказ. Было не было — три брата было. Два брата от одной матери были. Один брат от другой матери был. Младший своего теленка берег. Старшие своих телят не берегли. Однажды и он своего не поберег. Те два брата теленка того брата убили.

Словарь и лексико-грамматический комментарий к тексту

mənas 'рассказ', 'сказание'.

bam 'был', 'было'; глагол *b-* 'быть' в форме прош.вр. (причастный тип основы) I класса.

aram 'не был'; та же форма с префиксом отрицания *a-*.

iske 'три', 'трое'; числительное.

ošikon, ušikon 'их-братья'; сущ. *-ašci* 'брат' в форме мн. числа с префиксальным показателем I-III классов мн. числа *u-*.

attan 'два'; числительное.

hep 'один', 'одна'; числительное в форме, употребляемой для I-II классов (ср. *hap* — III и IV классы, *hāk* — IV класс и в свободном состоянии).

nani 'мать'; заимствованное существительное.

mi-sút 'нее-от'; послелог *-sút* с префиксальным показателем II класса ед.числа *mi-*.

äšci 'его-брат'; сущ. *-ašci* 'брат' в ед.числе с префиксальным показателем I, III, IV классов ед.числа *i-*.

ne указательное местоимение I класса ед.числа удаленной серии в функции определенного артикля.

äšciyon 'маленький', 'младший'; прилагательное *-ašciyon* с

префиксальным показателем I, III, IV классов ед.ч. числа *i-*.

íya 'его собственный', 'свой'; возвратно-определяющее местоимение, состоящее из префиксального показателя I, III, IV классов ед.ч. числа *i-* и элемента *-ya* 'свой', 'собственный'.

ze указательное местоимение III класса ед. числа удаленной серии в функции определенного артикля.

búšū 'теленки'; сущ. ед.ч. (мн. *búša*).

yárgit sek 'берег', 'заботился'; глагол *yár-* (осн. наст.вр. *yárg-*) в форме 2-3-го л. прош.длит.времени с модальной частицей *sek*.

we указательное местоимение I-II классов мн. числа удаленной серии в функции определенного артикля.

iníyu 'большие', 'старшие'; прилагательное *пуи, пии* в форме мн.ч. с префиксальным показателем I-III классов мн.ч. числа *и-*.

íya 'свой'; возвратно-определяющее местоимение, состоящее из префиксального показателя I-III классов мн.ч. числа *и-* и элемента *-ya* 'свой'.

se указательное местоимение III класса мн.ч. удаленной серии в функции определенного артикля.

búša 'телята', ср. *bušū*.

ai префикс отрицания при глаголе (наряду с *ayi* и *a-*).

hák 'один'; числительное, ср. *hep*.

ittú 'день'; существительное.

né-ka 'он также'; указательное местоимение *ne* (см. выше) с энклитическим союзом *ka*.

ayi yári 'не позаботился', 'не поберег': *ayi* — префикс отрицания (см. также *ai*); *yári* форма прош.вр. 3-го л. I класса ед.ч. от глагола *yár-* 'заботиться', 'беречь'.

ásqanep 'убили'; глагол *-asqan-* 'убивать' (осн. наст.вр. *-asqay-*) в форме прош.вр. мн.ч. с показателем III класса ед.ч. объекта *i-*.

Библиография

- Зарубин, 1927 — Зарубин И.И., Вершикское наречие канджутского языка, — «Записки Коллегии востоковедов», 1927, т. II, вып. 2, стр. 275-364.
- Зарубин, 1937 — Зарубин И.И., И.И. Марр и канджутский (буришско-вершикский) язык, — «Язык и мышление», М.-Л., 1937, т. VIII, стр. 165-170.
- Топоров, 1965 — Топоров В.Н., Несколько замечаний к фонологической характеристике Центральноазиатского языкового союза (ЦАЯС), — «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz», Wrocław, 1965.
- Топоров, 1966 — Топоров В.Н., Предварительные материалы к описанию фонологических систем консонантизма дардских языков, — «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии», М., 1966, стр. 172-192.
- Топоров, 1969, — Топоров В.Н., К вопросу о типологической близости енисейских языков и бурушаски, — «Происхождение аборигенов Сибири и их языков (Материалы межвузовской конференции 11-13 мая 1969 г.)», Томск, 1969, стр. 217-220.
- Barbour, 1921 - Barbour Ph. L., Buruṣaskī, a Language of Northern Kashmir; JAOS, 1921, February, стр. 60-72.
- Benveniste, 1948 - Benveniste E., Remarques sur la classification nominale en buruṣaski, - BSL, 1948-1949, т. XLIV, fasc. 1, стр. 64-71.

- Berger, 1956 - Berger H., Mittelmeerische Kulturpflanzennamen aus dem Burušaski, - «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 1956, Bd 9, стр.4-33.
- Berger, 1959 - Berger H., Burušaski Lehnwörter in der Zigeunersprache, - «Indo-Iranian Journal», 1959, vol. III, N 1, стр 17-43.
- Berger, 1960 - Berger H., Bericht über sprachliche und volkskundliche Forschungen im Hunzatal, - «Anthropos», Freiburg, 1960, vol. 55, fasc. 5-6, стр. 657-664.
- Biddulph, 1880 - Biddulph J., Tribes of the Hindoo Koosh, Calcutta, 1880 (русск. пер. П. Лессара: Народы, населяющие Гиндукуш, Ашхабад, 1886).
- Biddulph, 1884 - Biddulph J., Dialects of tribes of the Hindu-Kush, from Colonel Biddulph's Work on the subject (corrected), - JRAS, 1884, vol. XVI.
- Biddulph, 1875 - Biddulph J., Vocabulary of Sarikoli, Wakhan and Kunjoot dialects, - «Report of a Mission to Yarkund in 1873, under command of Sir T.D. Forsyth», Calcutta, 1875.
- Bleichsteiner, 1930 - Bleichsteiner R., Die werschikisch-burischkische Sprache im Pamirgebiet und ihre Stellung zu den Japhetitensprachen des Kaukasus, - «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», Wien, 1930, Bd I, стр. 289-331.
- Bloch, 1952 - Bloch J., Le Bourouchaski, - «Les langues du monde (par A.Meillet et M.Cohen)», Paris, 1952, стр.505-509.
- Borgström, 1945 - Borgström Carl H., The categories of person, number and class in the verbal system of Burushaski, - NTS, Oslo, 1945, Bd XIII, стр. 130-147.
- Bouda, 1950 - Bouda K., Die Sprache der Buruscho. I. Indochinesische Beziehungen, - «Eusko-Jakintza», Bd 4, 1950, стр. 37-50 и 337-346.
- Bouda, 1954 - Bouda K., Buruschaski Etymologien, I, -

- «Orbis», 1954, t. III, № 1, стр.228-230; II, - «Orbis», 1964, t. XIII, № 2, стр. 604-609.
- Clarke Hyde, 1872 - Clarke Hyde, The Khajuna language, - «Indian Antiquary», 1872, № VIII.
- Cunningham, 1854 - Cunningham A., Ladak, physical, statistical and historical, London, 1854.
- Grierson, 1899 - Grierson G.A., Specimen translations in the languages of the North Western Frontier, Calcutta, 1899.
- Grierson, 1906 - Grierson G.A., The Pisaca languages of North-Western India, London, 1906.
- Grierson, 1919 - Grierson G.A., Specimens of the Dardic or Pisacha languages - «Linguistic Survey of India», Calcutta, 1919, vol. VIII, pt. 2.
- Hayward, 1871 - Hayward G.W., Letters on explorations in Gilgit and Yassin, - JRGS, 1871, vol. XLI.
- Leitner, 1877 - Leitner G.W., The languages and races of Eardistan, Lahore and London, 1877, vol. I, II.
- Leitner, 1889 - Leitner G.W., The Hunza and Nagyr Handbook, Calcutta, 1889 (Ed. 2 - 1893).
- Leitner, 1895 - Leitner G.W., La langue, la religion et les moeurs des habitants du Hounza, - «Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres», 1895, 4 série, t.XVII, стр. 350-354.
- Lorimer, 1928 - Lorimer E.L.R. [рец. на кн.: I. Zarubin, The Vershik dialect of the Kanjuti language], - JRAS, 1928, № 3, July, стр. 654-661.
- Lorimer, 1935 - Lorimer E.L.R., The Burushaski language, vol. I, Introduction and grammar with preface by G.Morgenstierne. Oslo, 1935; vol.II, Texts and translations, Oslo, 1935; vol.III, Vocabularies and index, Oslo, 1938.
- Lorimer, 1936 - Lorimer E.L.R., Nugae Burushaskicae, - BSOS, London, 1936, vol.VIII, pt. 2-3, стр.627-636.

- Lorimer, 1937 - Lorimer E.L.R., Burushaski and its alien neighbours (Problems in linguistic contagion), - TPhS, 1937, стр.6-32.
- Lorimer, 1962 - Lorimer E.L.R., Werchikwan-English Vocabulary, Oslo, 1962.
- Meillet, 1929 - Meillet A. [рец. на кн.: I.I. Zarubin, Veršikskoje narečije kandžutского jazyka (extrait de «Zapiski kollegii vostokovedov», t. II, вып. 2)], - BSL, 1929, t. XXIX, fasc. 2, стр. 245-246.
- Morgenstierne, 1945 - Morgenstierne G., Notes on Burushaski phonology, - NTS, Bd XIII, Oslo, 1945, стр. 61-95.
- Poucha, 1960 - Poucha P., Bruža-Burušaski? - «Central-Asiatic Journal», Wiesbaden, 1960, vol. 5, № 4, стр.295-300.
- Tomaschek, 1880 - Tomaschek W., Centralasiatische Studien. II. Pamir-Dialecte, Wien, 1880.
- Varma Siddheshwar, 1931 - Varma Siddheshwar, Burushaski Texts, - «Indian Linguistics», 1931, vol. I, pts V-VI, стр. 6-32.
- Vogt, 1945 - Vogt H., The plural of nouns and adjectives in Burushaski, - NTS, Oslo, 1945, Bd XIII, стр. 96-129.

Список библиографических сокращений

- JAOS - «Journal of the American Oriental Society», New Haven.
- JRAS - «Journal of the Royal Asiatic Society», London.
- JRGS - «Journal of the Royal Geographical Society», London.
- NTS - «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Oslo.
- TPhs - «Transactions of the Philological Society», Oxford.

Список сокращений в названиях языков
и обозначении источников

айнск. — айнский	И. — в говоре Пагира
бур. — бурушаски	перс. — персидский
верш. — вершикий	скр. — санскрит
З. — в записи И.И. Зарубина	Х. — в говоре Хунзы
Л. — в записи Д. Лоримера	

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
От редакции	5
Введение	9
Фонетика	19
Вокализм	19
Консонантизм	24
Морфонологические чередования, Фонологическая структура слова и слога	30
Тоны	33
Ударение	34
Морфология	36
Имя существительное	37
Определенность-неопределенность	38
Число	39
Падеж	41
Притяжательность	42
Имя прилагательное	44
Имя числительное	46
Местоимения	49
Глагол	59
Основные категории	59
Состав глагольных форм	59
Нефинитные формы	66
Финитные формы	74
Изъявительное наклонение	74
Сослагательное наклонение	78
Повелительное наклонение	89

Наречия	89
Послелоги	90
Союзы	91
Частицы	92
Некоторые сведения из синтаксиса	92
Лексика	96
Некоторые особенности диалекта вершиквар	100
Приложение	104
Библиография	109

Георгий Андреевич Климов, Джой Иосифовна Эдельман

ЯЗЫК БУРУШАСКИ

Утверждено к печати

Ученым советом Института востоковедения

Академии наук СССР

*

Редактор Л.А. Алиева

Технический редактор Т.И. Чекушина

Корректор Г.В. Стругова

*

Сдано в набор 15/VII-1969 г. Подписано к печати 9/I-1970 г.

А 01402. Формат 60x90/16. Бумага офс. Печ.л. 7,25

Усл.печ.л. 7,25 Уч.-изд.л. 5,26 Тираж 1200 экз.

Изд. № 2252 Зак. № 18 Цена 33 коп.

*

Главная редакция восточной литературы издательства "Наука"

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Офсетное производство 3-й типографии

Москва, Центр, Армянский пер., 2